

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

ОКТАБРЬ, 1893.

АТАМАНЪ ПЛАТОВЪ — ЗАВОЕВАТЕЛЬ ИНДИИ.

I.

ТО БЫЛА необыкновенная эпоха во всемирной истории: кончилось славное царствование Екатерины Великой; заставили вздрогнуть весь мир ужасы французской революции. Наполеонъ потрясалъ свѣтъ своими подвигами, восходя къ зениту своей славы, а въ Россіи воцарился и началъ энергично дѣйствовать такой необычный государь, какъ Павелъ I.

Фактъ, который мы хотимъ рассказать здѣсь, могъ совершиться только въ эту эпоху чудесъ и, будучи задуманъ Наполеономъ, а исполненъ Павломъ, носитъ въ себѣ всѣ черты гениальности перваго и стремительности втораго. У императора Павла слово съ дѣломъ не расходилось: «gesacht-gemacht» было его правиломъ, хотя не всегда оно было «gedacht».

«Политическій горизонтъ» былъ въ это время заволоченъ тучами и туманомъ; лучшія государственныя головы терялись и не знали, чего держаться. Лишь одинъ Наполеонъ зналъ, куда идетъ, и кружилъ головы всего міра. Противъ Франціи составлялись коалиціи европейскихъ государствъ; коварная Англія мучила всѣхъ и Павла I въ особенности.

Онъ послалъ маститаго измаильскаго героя Суворова въ Италію противъ французовъ; «завинтивъ свой измаильскій штыкъ», Суворовъ при Аддѣ, Требии и Нови разбилъ французскія войска, но вѣроломные австрійцы-союзники, завистливые къ его успѣхамъ, своимъ гофъ-кригсъ-ратомъ съ Тугутомъ во главѣ устроили Суворову такія препятствія, что этотъ опытный и мудрый полководецъ

за счастье почиталъ отозваніе свое съ арены громкихъ побѣдъ и вскорѣ послѣ этого скончался.

Пылкій и непосредственный императоръ Павелъ разочаровался въ своихъ вѣроломныхъ союзникахъ, разошелся съ ними, а тутъ Наполеонъ, которому расположеніе могущественнаго императора, повелителя шестидесяти милліоновъ, было дорого, сумѣлъ поддѣлаться къ нему съ изысканной любезностью.

Десять или двѣнадцать тысячъ русскаго войска, плѣннаго съ Бергомъ и Мамаевымъ въ Голландіи, Наполеонъ одѣлъ въ новые мундиры хорошаго тонкаго сукна, точь-въ-точь по формѣ, и послалъ къ императору Павлу съ весьма любезнымъ письмомъ безъ всякаго выкупа.

Этотъ поступокъ очень понравился нашему государю, и онъ перемѣнилъ свое мнѣніе о Наполеонѣ, котораго доселѣ очень не долюбивалъ. Императоръ Павелъ отправилъ Колычева къ Наполеону посломъ, а вскорѣ потомъ былъ посланъ генераль-отъ-инфантеріи и командиръ Семеновскаго полка В. И. Левашевъ для заключенія военной конвенціи противъ недавней нашей союзницы Англіи, которую Наполеонъ хотѣлъ допечь «континентальною системою», закрывъ всѣ европейскіе порты для торговли Англіи.

Планъ Наполеона былъ геніаленъ и, если бы былъ доведенъ до конца, то пресловутые «англійскіе интересы» потерпѣли бы окончательное крушеніе, и сама Великобританія была бы поставлена въ ряды второстепенныхъ державъ.

Геній Наполеона, поддержанный могуществомъ русскаго императора, былъ въ состояніи это сдѣлать: первый консулъ задумалъ уязвить Англію въ Индіи, средоточіи ея богатствъ и могущества, и никто, кромѣ русскаго императора, не могъ ему быть лучшимъ въ этомъ дѣлѣ помощникомъ. Для похода по среднеазиатскимъ степямъ надобно было легко-конное войско, и нигдѣ не было его столь много и такого хорошаго качества, какъ въ Россіи: двѣ области казачьяго войска, отлично храбраго въ битвахъ и удивительно выносливаго въ лишеніяхъ.

Эта легкая конница должна была перейти степи до границъ Индіи и тамъ возмутить все туземное населеніе противъ своихъ ненавидимыхъ поработителей-англичанъ; такое дѣйствіе появленія казаковъ-освободителей на умы индійцевъ, несомнительное и въ наши дни, въ то время имѣло больше шансовъ на успѣхъ.

Какъ ни губителенъ могъ быть этотъ маневръ для англичанъ, но это была только первая часть дѣла, задуманнаго Наполеономъ. Вслѣдъ за казаками самъ Наполеонъ хотѣлъ провести черезъ Россію полмилліона своей побѣдоносной арміи до Волги, на судахъ спустить ее до Астрахани, а тамъ по Каспійскому морю до самаго Астрабада. Отъ Астрабада до Индіи путь караваномъ очень хорошъ, а съ помощью рытья неглубокихъ колодезевъ можно добыть

и воду изъ-подъ песковъ пустыни. Ходу отъ моря до Индіи не болѣе трехъ недѣль, и, разъ египетскіе побѣдоносцы появятся въ Индіи со своимъ обожаемымъ предводителемъ, — только три или четыре мѣсяца, по словамъ Наполеона, требовалось, чтобы владычество Англіи было свергнуто...

Англіи грозилъ страшный ударъ; ея государственные люди и самъ Питтъ пришли въ смятеніе и стали придумывать всякія средства, чтобы отвести этотъ ударъ.

Императоръ Павелъ вполне склонился на это предпріятіе, заключилъ съ Наполеономъ конвенцію и объявилъ Англіи войну. Это было въ концѣ 1800 года.

Павелъ началъ дѣйствовать энергично: первымъ дѣломъ велѣлъ арестовать все англійскіе торговые корабли въ русскихъ портахъ; въ Кронштадтѣ посланъ былъ чиновникъ коммерцъ-коллегіи д. ст. сов. П. С. Ильинскій съ приказаніемъ выгрузить изъ кораблей все товары, а самые корабли, выведя на рейдъ, торжественно сжечь.

Вмѣстѣ съ этимъ, ожидая прихода англійской эскадры въ Балтійское море, императоръ велѣлъ укрѣпить и умножить оборонительныя средства Кронштадта, построить новый рисбанкъ на 300 крѣпостныхъ орудій, направляющихъ свои выстрѣлы въ тотъ пунктъ, гдѣ непріятельскіе корабли должны по узости фарватера идти по одному въ кильватеръ (гуськомъ, или цугомъ).

Всю зиму 1800—1801 годовъ пять или шесть тысячъ извозчиковъ были заняты перевозкою лѣса по льду Финскаго залива отъ Петербурга до Кронштадта для вновь воздвигаемыхъ укрѣпленій...

II.

Атаманъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ въ послѣдній годъ царствованія Екатерины Великой возвратился изъ персидскаго похода, гдѣ главнокомандующимъ былъ Валеріанъ Зубовъ, братъ любимца, а походнымъ атаманомъ донскихъ полковъ, въ чинѣ генераль-маіора, — Платовъ. Валеріанъ Зубовъ былъ предводитель не геніальный, и хитрые персы заманили его въ ловушку, откуда выручать его пришлось Платову.

Съ воцареніемъ Павла I дѣла круто измѣнились: Зубовы были отстранены, а походный атаманъ Платовъ попалъ сначала въ ссылку въ Кострому, гдѣ встрѣтился съ другимъ ссыльнымъ, екатерининскимъ орломъ (подполковникомъ артиллеріи тогда) А. П. Ермоловымъ, а потомъ въ Петропавловскую крѣпость (чего не избѣжалъ и Ермоловъ)¹⁾.

¹⁾ Здѣсь есть нѣкоторое разногласіе между показаніями А. П. Ермолова и самого Платова. Ермоловъ въ отрывкѣ своихъ записокъ, сохранившемся у его

Войсковымъ атаманомъ донцовъ послѣ смерти А. И. Иловайскаго (въ 1797 г.) былъ В. П. Орловъ, соратникъ Платова при знаменитомъ штурмѣ Измаила, но важность предпринимаемаго дѣла требовала отъ посылаемыхъ въ трудную экспедицію войскъ особаго одушевленія, а это могло быть достигнуто только тогда, когда войска поведетъ человѣкъ, горячо любимый войскомъ и имѣющій на него большое вліяніе. Таковымъ на совѣтѣ государя (у него еще были хорошіе совѣтники) оказался опальный Матвѣй Ивановичъ Платовъ, но онъ три года уже какъ былъ увезенъ фельдъегеремъ съ Дона неожиданно, и во все это время донское войско ничего не знало о своемъ любимомъ «батькѣ», живъ ли онъ и гдѣ находится, или его и въ живыхъ нѣтъ.

Сильно горевали о Платовѣ его донскіе «дѣтушки», а онъ сидѣлъ въ крѣпости, «какъ соленый огурецъ въ банкѣ съ уксусомъ, чтобы не потерялъ вкуса»¹⁾.

Когда пришла нужда въ его услугахъ, Платова вспомнили и, по собственному разсказу его, послали за нимъ въ казематъ крѣпости.

Интересна обстановка, въ которой, много лѣтъ спустя, Матвѣй Ивановичъ Платовъ разсказывалъ объ этомъ приключеніи. Это было въ 1812 году, когда казаки и Платовъ покрыли себя вѣчною славой, во время дневки на походѣ, въ день именинъ Матвѣя Ивановича.

Съ Дона любимому атаману (тогда уже графу) прислали къ именинамъ «атаманскій кусъ» — балыковъ, икры и знаменитаго шипучаго «цимлянскаго» вина. Все это было предложено командирамъ и офицерству гренадерской дивизіи, а послѣ сытнаго обѣда маститый шестидесяти-двухъ-лѣтній атаманъ началъ разсказъ о быломъ чудесномъ времени, недалеко по протекшимъ годамъ, но совершенно чуждомъ и баснословномъ для молодыхъ слушателей.

III.

Казематъ Петропавловской крѣпости, гдѣ сидѣлъ Платовъ, былъ сыръ и мраченъ; окошечко, освѣщавшее его, было высоко и величиною не больше «лаза для кошекъ», прорубаемаго въ дверяхъ амбаровъ.

денщика и обнаруженномъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1867 г., кн. 3, говоритъ, что Платовъ былъ потребованъ въ Петербургъ изъ Костромы, тогда какъ самъ Платовъ въ своихъ разсказахъ всегда свидѣтельствовалъ, что онъ былъ потребованъ изъ крѣпости, гдѣ находился и Ермоловъ. Отмѣтивъ эту разницу, мы будемъ придерживаться разсказа, принадлежащаго Платову и дважды записаннаго въ мемуарахъ разныхъ лицъ.

¹⁾ Слова А. М. Тургенева, «Русская Старина», 1886 г., кн. 1.

Лѣтомъ въ этомъ каменномъ мѣшкѣ была холодная, пронизывающая сырость, отъ которой узникъ хворалъ жестокою горячкою, а зимой отъ печей несло такимъ чадомъ, отъ котораго глаза ѣло, «какъ отъ хрѣна». Стѣны были мокры и скользки, а по полу бѣгали крысы, не стѣсняясь, когда заключенный спалъ, прогуливаться и по его тѣлу. «Сначала мнѣ это казалось гадкимъ, а на послѣдокъ я къ этому гаду и онъ ко мнѣ, другъ къ другу, привыкли». Одеждою узнику былъ «затрапезный халатъ», и его одиночнаго заключенія никто не развлекалъ ни визитами, ни разговоромъ; сторожа у дверей были безмолвны ¹⁾).

Въ такомъ положеніи, по его словамъ, находился «батько» донской легкой конницы, когда вспомнили о немъ и его военныхъ способностяхъ, потребовавшихся теперь для совершенія важнаго предпріятія.

Удрученный горемъ, не знавшій ни конца своему заключенію, ни ожидавшей его судьбы, сидѣлъ съ помутившейся отъ угара головою (дѣло было въ декабрѣ) Матвѣй Ивановичъ, какъ вдругъ услышалъ въ корридорѣ голоса и шаги; шумъ все приближался къ его каземату и, наконецъ, прекратился передъ его дверью; завизжали ржавые замки, загремѣлъ засовъ. Платовъ, ожидавшій всякой бѣды себѣ, вообразилъ, что идутъ за нимъ вести его на судъ или казнь, и началъ творить крестное знаменіе, благодаря Бога за окончаніе страданій.

— Благодарю тебя, Господи! Прости, отпусти мои прегрѣшенія!..

Свѣтъ нѣсколькихъ фонарей въ мрачномъ казематѣ, неожиданно появившійся, ослѣпилъ узника, на него «омракъ нашель», онъ стоялъ и крестился, тупо глядя на пришедшихъ, не узнавая никого.

— Матвѣй Ивановичъ!—услышалъ Платовъ окликъ и узналъ въ немъ голосъ коменданта крѣпости, Сергѣя Николаевича Долго-рукаго,—Матвѣй Ивановичъ! государь императоръ повелѣтъ соизволилъ, чтобы вы какъ можно скорѣе явились къ его величеству во дворець...

Какъ громомъ, поразили эти слова смущеннаго узника; онъ не понялъ ихъ сначала; ему пришло въ голову, что все это—сонное мечтаніе или наважденіе нечистаго.

¹⁾ Вотъ какъ описываетъ пребываніе въ крѣпости «соузникъ» Платова Ероловъ: «Въ равелинѣ ничего не происходитъ подобнаго описываемымъ ужасамъ инквизиціи, но, конечно, многое заимствовано изъ сего благодѣтельнаго и человѣколюбиваго установленія. Спокойствіе ограждается могильною тишиною, совершеннымъ безмолвіемъ двухъ недремлющихъ сторожей, почти неразлучныхъ. Охраненіе здоровья заключается въ постоянной заботливости не обременять желудка ни лакомствомъ пищи, ни излишнимъ ея количествомъ. Жилища освѣщаются неугасаемою салною свѣчкою, опущенною въ жестяную съ водою трубку. Различный бой барабана при утренней и вечерней зарѣ служитъ исчисленіемъ времени; но когда бываетъ онъ не довольно внятнымъ, повѣрка производится въ корридорѣ, который освѣщенъ дневнымъ свѣтомъ и солнцемъ, незнакомыми въ преисподней» («Русскій Архивъ», 1867 г., кн. 3, стр. 370—371).

Платовъ перекрестился, перекрестилъ стоявшихъ передъ нимъ офицеровъ, они не пропали, а продолжали убѣждать его, что пришли за нимъ, чтобы вести его во дворецъ предъ очи императора.

— Аминь, аминь, разсыпся! Вы ли это, Сергѣй Николаевичъ?

— Я, Матвѣй Ивановичъ! Придите въ себя! Экъ вы засидѣлись здѣсь, что даже людей не узнаете. Собирайтесь къ государю во дворецъ...

— Подлинно вы... Да зачѣмъ же мнѣ къ государю?

— Это намъ не извѣстно, Матвѣй Ивановичъ. Собирайтесь.

— Постойте! Какъ же мнѣ явиться предъ его свѣтлыя очи, когда и грязень-то я, и свита-то на мнѣ истлѣла, и зарось-то я волосами, какъ дѣдъ лѣсной!..

— Ничего, Матвѣй Ивановичъ, мы васъ вымоемъ, выбрѣемъ и одѣнемъ, мундиръ вашъ еще цѣлъ у насъ, и вы молодцомъ явитесь къ императору.

— Да голова у меня, князь, болитъ отъ этого проклятаго угару, ровно котель пустой... Какъ я буду съ его величествомъ говорить?..

— Провѣтритесь, Матвѣй Ивановичъ, покуда, свѣжаго воздуха хватите. Медить нельзя, вы знаете нашего государя! Собирайтесь, да и поидемте съ Богомъ. Дай вамъ, Господи, всякаго счастья! Поидемте!

Платова, потерявшаго образъ и подобіе человѣческое, повели въ канцелярію коменданта.

— Чудеса въ рѣшетѣ!—бормоталъ Платовъ,—и на что я понадобился государю?.. Коли хочетъ казнить, и казнилъ бы. Милость или судъ ожидаетъ меня? А я, видитъ Богъ, противъ родины и государя ничѣмъ не виновать...

Въ канцеляріи коменданта позвали цирульника, и тотъ живо обрилъ и остригъ Матвѣя Ивановича по формѣ, потомъ сводили въ баню, надѣли чистое бѣлье, а тамъ принесли и форму его, генераль-маіора донскаго войска. Освѣженный мытьемъ и выбритый, Платовъ одѣлся въ свою форму, причемъ она оказалась ему уже широковатою.

— Горѣлочки бы теперь, князь Сергѣй Николаевичъ, да закусить чего нибудь для храбрости, а то въ проклятомъ каменномъ мѣшкѣ всегда впроголодь сидѣлъ.

— Не моя вина, Матвѣй Ивановичъ! Сейчасъ я распоряжусь на скорую руку; фельдъегерь изъ дворца ждетъ васъ, время уже вечернее, не навлечъ бы намъ гнѣва государева...

— Да что за притча, князь Сергѣй Николаевичъ, не знаешь ли, скажи, ради Бога, зачѣмъ меня везуть къ государю во дворецъ?..

— Да вы, Матвѣй Ивановичъ, никакъ еще въ себя придти не можете отъ сидѣнья! Спрашиваете меня о томъ, что мнѣ и не должно быть извѣстно. Сидѣли вы здѣсь секретнымъ политическимъ номеромъ, а теперь развѣ мнѣ скажутъ, зачѣмъ васъ во

дворецъ требуютъ?.. Сказано: привезти во дворецъ такого-то — и шабашъ!..

Вымытый, одѣтый и причесанный, Матвѣй Ивановичъ Платовъ, подкрѣпившись «горѣлкою» и закусивъ, вышелъ, наконецъ, съ трепетомъ душевнымъ въ приемную, гдѣ ждалъ его верзила-фельдъегерь.

Недавній безымянный узникъ, Платовъ вышелъ теперь генераль-майоромъ, и фельдъегерь, вытянувшись, сдѣлалъ ему честь.

— Ну, благослови васъ Богъ, Матвѣй Ивановичъ,—сказалъ на прощанье комендантъ,—и помощи вамъ Господь не возвращаться сюда болѣе.

— Да ужъ, князь Сергѣй Николаевичъ, лучше на плаху прямо идти, чѣмъ опять къ вамъ сюда. Спасибо за пожеланье!

Фельдъегерскія сани стояли у крыльца, запряженныя въ тройку; свѣжій морозный воздухъ охватилъ долго сидѣвшаго узника: онъ зашатался на крыльцѣ и, не будучи въ силахъ двинуться дальше, еле держась на ногахъ, прислонился къ стѣнѣ...

— Эхъ, ваше превосходительство, ослабѣли!—сказалъ съ собо-лѣзнованіемъ фельдъегерь,—вотъ держитесь за меня, я васъ усажу.

Поддержанный сильнымъ фельдъегеремъ, Матвѣй Ивановичъ усѣлся въ сани, тяжело дыша давно не ощущавшимся свѣжимъ воздухомъ.

— Во дворецъ! — скомандовалъ ямщику фельдъегерь, и токь встрѣчнаго свѣжаго воздуха началъ обвѣвать лицо донскаго атамана...

IV.

Въ нѣсколько минутъ перерѣзали сани фельдъегеря Неву по льду, наискось отъ крѣпости до Михайловскаго дворца; холодный вѣтеръ рѣзалъ лицо и уши проѣзжихъ, и вотъ сани остановились.

— Ваше превосходительство, пожалуйста, пріѣхали!—пробасилъ фельдъегерь, и Платовъ, съ помощью его, вылѣзъ изъ саней и вошелъ въ ворота черезъ подъемный мостъ, опущенный по оклику фельдъегеря.

Много широкихъ и освѣщенныхъ лѣстницъ прошелъ Платовъ, уже освѣженный проѣздкою; нѣсколько обширныхъ комнатъ и, наконецъ, приемная предъ кабинетомъ, гдѣ фельдъегерь сдалъ своего пассажира дежурному чиновнику и, считая свою роль оконченною, удалился.

Ошеломленный всѣмъ происшедшимъ такъ скоро и неожиданно, всталъ Платовъ въ уголокъ, мысленно молясь всѣмъ святымъ и призывая «царя Давида и всю кротость его».

Въ сношеніяхъ съ Павломъ I рѣдкій не твердилъ мысленно этой молитвы о «кротости», ибо никто не зналъ, чѣмъ кончится

аудиенція у вспылчиваго, какъ порохъ, и скорого на резолюціи государя.

Отъ охватившаго его безпокойства Платовъ не могъ даже сѣсть и, ожидая въ уголку призыва къ государю, всѣми силами старался придти въ себя, собраться съ мыслями. Нѣсколько минутъ, прошедшихъ въ этомъ томительномъ ожиданіи, показались Матвѣю Ивановичу годами, ибо онъ годы пережилъ мысленно въ это время: погарцовалъ на Дону съ любимыми дѣтушками-казаками, побывалъ съ ними въ Персіи, вспомнилъ костромскую ссылку и тюремное сидѣніе и, не зная будущаго, ожидалъ всего худшаго и даже смерти.

Но вотъ дверь, охраняемая двоими безмолвными часовыми, отворилась, вышелъ любимецъ государя графъ Кутайсовъ и пригласилъ Платова въ кабинетъ. Торопливо сотворивъ крестное знаменіе, двинулся Матвѣй Ивановичъ впередъ, навстрѣчу къ неизвѣстному и опасному.

Императоръ Павелъ стоялъ въ глубинѣ комнаты въ лентѣ мальтійскаго ордена, опершись на трость, и милостиво смотрѣлъ на входившаго казачьяго генерала. Платовъ по обычаю преклонилъ одно колѣно передъ императоромъ и облобызалъ его руку.

— Здравствуй, Матвѣй Ивановичъ,—началь государь,—очень радъ тебя видѣть!...

— «Радъ,—подумалъ Платовъ,—кабы ты былъ радъ меня видѣть, такъ не держалъ бы въ проклятомъ каменномъ мѣшкѣ съ вощаренія!... Однако, что за притча? встрѣчаетъ довольно ласково»...

Въ сторонѣ на длинномъ столѣ, освѣщенная свѣчами подъ абажуромъ, лежала развернутая географическая карта, и около нея стоялъ на вытяжкѣ въ высочайшемъ присутствіи, ожидая приказаній, «картмейстерскаго штаба» офицеръ.

— У меня до тебя большое дѣло есть, Матвѣй Ивановичъ,—продолжалъ государь, подходя къ развернутой картѣ: — подойди сюда и посмотри.

Платовъ подошелъ къ картѣ и устремилъ на нее внимательный взглядъ.

— Видишь эту дорогу на картѣ,—сказалъ Павелъ, указывая пальцемъ:—это прямой путь отъ Оренбурга до Индіи!...

Платовъ глядѣлъ на карту и, слабоватый въ географіи, видѣлъ только какую-то «длинную узенькую линеечку», а по бокамъ ея «бѣлую, какъ снѣгъ», бумагу... «Плантъ», какъ называлъ карты Матвѣй Ивановичъ, довольно неудовлетворительный, но онъ ждалъ, что будетъ дальше, и отвѣтилъ государю:

— Вижу, ваше императорское величество.

— Ты знаешь эту дорогу? она знакома тебѣ?...

Платова «какъ морозъ по кожѣ подернулъ»; дорога была ему совершенно не знакома; онъ видѣлъ ее въ первый разъ въ жизни,

какъ пройти по ней—не зналъ и хотѣлъ уже отвѣтить въ этомъ смыслѣ, но вспомнилъ хитрый донецъ, что такой отвѣтъ ничего не принесетъ ему хорошаго, а можетъ только возвратить въ казематъ Петропавловской крѣпости, и отвѣтилъ наудалую:

— Знаю, ваше величество!...

— Ты пройдешь съ казаками по этой дорогѣ въ Индію, Матвѣй Ивановичъ?—снова спросилъ государь Платова.

— Пройду, ваше величество!—отвѣтилъ Платовъ въ отчаяніи, а самъ думалъ: «а хоть къ чорту на рога, къ самому лукавому въ пекло идти, абы не въ этотъ проклятый гнилой казематъ!»...

Лицо императора прояснилось улыбкою; онъ не ошибся въ своемъ выборѣ; этотъ человѣкъ, тюремный сидѣлецъ, знаетъ эту дорогу, неизвѣстную ему и самому, и проведетъ по ней свою лихую конницу до самой Индіи, гдѣ они съ Наполеономъ натворятъ великихъ бѣдъ коварной Англій.

— Генераль Платовъ!—торжественно произнесъ государь, отступя шагъ,—вотъ тебѣ въ награду моя табакерка съ портретомъ!

Ошеломленный Платовъ снова упалъ на колѣни, принимая осыпанную брилліантами табакерку и лобызая руку щедраго государя, а Павель I продолжалъ:

— Я всегда, Матвѣй Ивановичъ, былъ доволенъ твоею службою и любилъ награждать тебя!...

— Благодарю васъ, великій государь!—съ чувствомъ отвѣтилъ хитрый донецъ, а самъ думалъ: «да когда-жъ ты, великій государь, видѣлъ мою службу, коли съ самага начала заколотилъ меня въ ссылку и въ казематъ?... А такой награды твоей не пожелаю я и лихому татарину».

Происшествіе для Матвѣя Ивановича начинало становиться со-всѣмъ загадочнымъ и баснословнымъ: нѣсколько часовъ тому назадъ сидѣлъ онъ въ безразсвѣтной тѣмѣ каземата, съѣдаемый грязью, а теперь находится къ чертогахъ государя, награжденъ табакеркою, произведенъ въ высокое званіе, и задана ему задача, которой ни онъ, ни задающій ее хорошенько оба не понимаютъ... Отъ Оренбурга до Индіи!... Легко сказать!... Матвѣй Ивановичъ былъ человѣкъ ума не тонкаго, хотя и съ хитрецою, и эта фантазмагорія начала на него дѣйствовать мутящимъ разсудокъ образомъ.

«Не греза ли это сонная? не искушеніе ли это лукаваго? не самъ ли князь тьмы во образѣ владыки шутить надо мною грѣшнымъ и ведетъ душу мою къ гибели?» — да вспомнилъ Матвѣй Ивановичъ, что православный литой крестъ съ акаѣистомъ противъ нечистой силы: «Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его!»—находится у него на шеѣ, и немного успокоился.

А грозный государь благосклонно беретъ его за руку и ласково говорить:

— Встань, Матвѣй Ивановичъ, сядь вотъ со мною и выслушай мое приказаніе словесное кое о чемъ.

Платовъ сѣлъ на диванъ рядомъ съ государемъ и приготовился слушать дальше.

— Ты поѣдешь, Матвѣй Ивановичъ, на Донъ...

— «Благодарю тебя, Господи милостивый,—подумалъ Платовъ,—хоть еще разъ увижу въ жизни мой милый тихій Донъ и своихъ дѣтушекъ-казаченекъ!»...

— Тамъ ты посадишь на-конь всѣхъ, кто только сидѣть можетъ и копье держать, и съ этимъ detaшементомъ иди ты немедленно съ Дона черезъ Уральскіе горы на Оренбургъ... Въ Оренбургѣ военный губернаторъ Бахметевъ дастъ тебѣ «языковъ» (переводчиковъ, знающихъ нарѣчія средне-азиатскихъ народовъ) и все нужное для похода. Отъ Оренбурга ты пустишься степями, мимо Хивы и Бухары, до самой Индіи. Квартирмейстерскій офицеръ будетъ отсюда командированъ въ Оренбургъ въ тотъ же день, какъ ты поѣдешь отсюда на Донъ. Съ дороги ты посылай черезъ день казака съ вѣстью въ Оренбургъ къ Бахметеву, а черезъ недѣлю разъ посылай казака съ рапортомъ прямо ко мнѣ въ Петербургъ... Понялъ, Матвѣй Ивановичъ?

— Понялъ, ваше императорское величество.

— Что ты долженъ предпринять дальше, подойдя къ границамъ Индіи, я тебѣ дамъ знать, когда ты подойдешь туда. Слышишь?

— Слышу, ваше императорское величество.

— Ну, такъ я надѣюсь на тебя, Матвѣй Ивановичъ! Мнѣ донское храброе войско издавна любезно, а тебя я всегда цѣнилъ; надѣюсь, что ты съ успѣхомъ исполнишь такое славное и трудное порученіе—и забыть мною не будешь...

— Благодарствую, великій государь,—сказалъ Платовъ, вставъ и поклонившись императору въ поясъ, причемъ коснулся по старому обычаю рукою до пола:—исполню твое повелѣніе въ точности, хотя бы пришлось и животь положить. За казаковъ своихъ тоже ручаюсь: они у меня молодцы, назадъ никогда не пятятся, полѣзутъ за мной хоть въ пѣкло!

— Ха, ха, ха! въ пѣкло!—развеселился Павелъ, вставъ:—это хорошо сказано: въ пѣкло!... у тебя совсѣмъ особенный выговоръ, Матвѣй Ивановичъ!... Въ пѣкло! ха, ха, ха!...

— Когда-жъ прикажете, ваше императорское величество, отправляться въ походъ?... Можетъ, сейчасъ или съ завтрашняго утра?...

— Нѣтъ, ты поживи здѣсь, отдохни, погости въ Петербургѣ, поразмысли хорошенько все, а черезъ три дня и на Донъ. Всѣхъ поднять—дѣло важное и къ чести Россіи служащее...

— Честь матушки Россіи и ваша, великій государь, мнѣ дороже жизни! радъ послужить вашему величеству до конца дней!—говорилъ Платовъ, кланяясь.

— Ну, такъ вотъ, Матвѣй Ивановичъ, я тебѣ въ короткихъ словахъ все сказала, подробности и всѣ распоряженія получишь завтра. Теперь прощай, Матвѣй Ивановичъ, ступай отдыхать домой, выпипись хорошенько!...

Государь милостиво протянулъ руку для поцѣлуя; Платовъ преклонилъ колѣно и, облобызавъ державную десницу, съ глубокими поклонами удалился изъ кабинета.

V.

Часовые и лакеи все такъ же недвижно стояли у своихъ дверей, когда Матвѣй Ивановичъ, ошеломленный всѣмъ происшедшимъ, проходилъ анфиладою великолѣпно убранныхъ комнатъ къ выходу.

— «Домой, отдохнуть! — думалъ Матвѣй Ивановичъ на ходу: — а гдѣ-жъ теперь у меня домъ?... Время позднее, куда я сунусь?... Не въ крѣпость же опять! Ахъ ты, грѣхъ! Были знакомые, да не знаю, гдѣ они, и дорогъ здѣсь не знаю...

— Не туда ваше превосходительство! — остановилъ его лакей, — вамъ къ выходу надобно? Вотъ пожалуйста направо, потомъ налево, тамъ прямо и опять направо...

— Да проводи ты меня, ради Бога, я вѣкъ отсюда не выберусь безъ того: въ первый разъ я здѣсь.

Лакей проводилъ Матвѣя Ивановича до широкой лѣстницы и воротился назадъ.

— «Просто, какъ во снѣ, хожу! — думалъ Платовъ, спускаясь съ лѣстницы, — крѣпость, царь, табакерка, атаманъ, походъ на Индію!... Теперь-то куда?»....

Внизу лѣстницы, въ широкомъ вестибюлѣ стояли недвижные часовые, нѣсколько лакеевъ и важный разодѣтый швейцаръ. Видя сходящаго съ лѣстницы генерала, лакеи вытянулись, швейцаръ приготовился распахнуть дверь, какъ вдругъ Платовъ обратился къ швейцару съ вопросомъ:

— А скажи мнѣ, любезный, не знаешь ли ты здѣсь какой нибудь квартиры, гдѣ бы мнѣ ночлеговать можно было?

Швейцаръ удивился: такой случай, чтобы генераль, удостоившійся аудіенціи у императора, не имѣлъ пристанища, былъ для него первый. Онъ не зналъ, что отвѣтить, и глядѣлъ на генерала во всѣ глаза, соображая... Форма казачья, никогда такого лица видать не приходилось пріѣзжающимъ, а сегодня этотъ генераль доставленъ съ фельдъегеремъ...—Эге-ге! этотъ фасонъ намъ извѣстенъ! — сообразилъ швейцаръ и спросилъ Платова:

— Вы, надо быть, пріѣзжій, ваше превосходительство?

— Да пріѣзжій, любезный, пріѣзжій.

— Экипажу вашего съ вами нѣтъ?

— Я не знаю, гдѣ мой экипажъ...—началь Матвѣй Ивановичъ и смутился... — «Что за чуха! коли-бъ былъ мой экипажъ, такъ былъ бы и верзила этотъ тутъ, онъ бы глазъ съ меня не спустилъ»...

— Видишь ли, любезный,—снова началъ Платовъ:—у меня нѣтъ экипажа... уѣхалъ онъ...

Швейцаръ и всѣ лакеи смотрѣли на путающагося въ рѣчахъ генерала странно, «какъ котъ на говядину», по словамъ самого Матвѣя Ивановича.

— Я, видишь ли, любезный, съ Дона, здѣсь у меня никого знакомыхъ нѣтъ, да и время позднее...

— Понимаемъ-съ, ваше превосходительство... Самое теперь для васъ лучшее идти въ трактиръ «Демута» и тамъ взять отдѣльный покоецъ.

— «Демута»? а гдѣ твой «Демуть»?

— Какъ, ваше превосходительство, вы и «Демута» не знаете? «Демута» у насъ старый и малый знаетъ въ Питерѣ.

— Ну, а я, видишь, не питерскій, я издалека, съ Дона! Сдѣлай милость, проводи меня къ этому «Демуту».

— Не могу я, ваше превосходительство, отлучиться, а поплю съ вами когонибудь изъ свободныхъ слугъ.

— Севастьяновъ,—обратился швейцаръ къ одному изъ лакеевъ:—пошли сюда какогонибудь истопника.

Черезъ минуту Матвѣй Ивановичъ вышелъ въ сопровожденіи истопника отъ дворца по подъемному мосту и направился по темнымъ и безмолвнымъ улицамъ, мимо бараконъ вокругъ дворца, мимо обширнаго бѣлѣвшаго снѣгомъ Царицына луга; снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами; изрѣдка попадались будки, окрашенные по формѣ бѣлыми и черными полосами, и бутари спали въ нихъ, за-вернувшись въ собачьи тулупы и обнявъ длинныя аллебарды.

Матвѣй Ивановичъ кутался въ легкую шинель (такая съ нимъ осталась въ крѣпости) и шелъ, погруженный въ глубокія думы. Было отъ чего головѣ треснуть: происшествіе выходило совсѣмъ сказочнымъ; надо было собрать всѣ силы ума и души, чтобы не потеряться въ этой фантазмагоріи... Мертвое безмолвіе улицъ нарушалось только скрипомъ снѣга подъ ногами, и вдругъ въ тихомъ морозномъ воздухѣ прокатились черезъ Неву и широкую площадь Царицына луга унылые, хватающіе за сердце, звуки курантовъ крѣпостной церкви. Они точно стонали въ воздухѣ своей грустной мелодіей, и Матвѣй Ивановичъ вздрогнулъ и остановился. Слезы показались на его глазахъ.

— «Я не тамъ, я на свободѣ, я скоро ѣду на Донъ... Благодарю тебя, Господи!»—чуть не выкрикнулъ Платовъ въ умиленіи и сталъ творить крестное знаменіе и класть низкіе поклоны. Уди-

вленный истопникъ остановился и глядѣлъ на набожнаго генерала, ничего не понимая.

— Веди дальше!—приказалъ Матвѣй Ивановичъ служителю. Душа его была переполнена разнородными чувствами...

VI.

Перейдя канаву, мимо царскихъ конюшенъ, свернули путники въ улицу и остановились передъ подъѣздомъ съ горящимъ фонаремъ.

— Вотъ здѣсь трактиръ «Демуть», — сказалъ истопникъ:— счастливо оставаться, ваше превосходительство.

Платовъ нашарилъ въ карманѣ кошелекъ съ деньгами (еще съ Дона остался) и заплатилъ слугѣ за проводы, а самъ позвонилъ у запертой двери.

Былъ уже поздній часъ вечера, однако завѣдывавшій номерами приказчикъ еще не спалъ и пришелъ на зовъ слуги, удивляясь присутствію генерала въ такой часъ.

— Любезнѣйшій,—обратился къ нему Платовъ,—гдѣ бы мнѣ тутъ переночевать?..

— Можно-съ, ваше превосходительство, вамъ номерочекъ?

— Номерочекъ, или такъ какую каморочку, я заплачу.

— Дѣло извѣстное, что у насъ постояльцы за плату; пожалуйте, я вамъ покажу номерокъ.

Утомленный Платовъ не сталъ разсматривать отведеннаго ему помѣщенія; онъ радъ былъ добраться до мѣста; видъ чистой постели подъ пологомъ еще болѣе далъ ему почувствовать утомленіе. Онъ сѣлъ на стулъ у стола и потребовалъ себѣ чего нибудь поѣсть и горѣлочку. Слуга ушелъ исполнять приказаніе, а приказчикъ не уходилъ и мялся у двери.

— Чего тебѣ еще? Деньги? До завтра развѣ не можешь подождать? На, возьми!..

— Не деньги-съ, ваше превосходительство... а пожалуйте вашъ видъ или паспортъ, или, если проѣзжимъ дѣломъ, подорожную вашу пожалуйте...

— Нѣтъ у меня подорожной; развѣ нельзя безъ этого?

— Никакъ нельзя, ваше превосходительство! Знаете, какіе при нынѣшнемъ императорѣ порядки? Какъ васъ черезъ заставу-то пустили въ городъ безъ подорожной, коли вы пріѣзжій?! А намъ никакъ нельзя: изъ квартала строгій приказъ—доставлять бумаги пріѣзжихъ сію же минуту и безъ бумагъ не оставлять на ночлегъ никого...

— «Господи помилуй! Этого еще только не доставало! Чтожъ мнѣ теперъ дѣлать?.. Вотъ-тѣ и атаманъ всего Донскаго войска,

вотъ-тѣ и завоеватель Индіи!.. Усталую голову приклонить негдѣ!.. За безписьменность въ кварталъ могутъ стащить!»...

Такія мысли проносились въ головѣ Матвѣя Ивановича, пока онъ, огорченный рѣчью номернаго, не зналъ, что отвѣтить на это, и «сталъ въ пень», по его словамъ.

Можно бы напумѣть и прогнать надоѣднаго мужика, чтобы не мѣшалъ отдохнуть и выспаться до утра, но практичный и напуганный Матвѣй Ивановичъ сообразилъ, что это выйдетъ еще хуже и можно всерьезъ попасть на съѣзжую...— «Оно вотъ въ сибирѣ не такъ круто и жестко, какъ въ крѣпости, да все подъ карауломъ»,—думалось Платову, а ему такъ хотѣлось, наконецъ, быть на свободѣ, выспаться на хорошей постели, въ чистой комнатѣ со свѣжимъ воздухомъ...

Матвѣй Ивановичъ рѣшилъ лучше подняться на дипломатію и сталъ уговаривать номернаго:

— Послушай, любезный, я такъ усталъ, меня разбило дорогою, у меня всѣ кости и голова болятъ... Я теперь тебѣ ничего не могу сказать или вида дать: затерялся онъ у меня, что ли? Не знаю, при мнѣ нѣтъ... Да ты успокойся: я не бѣглый, я—генералъ казакскій, вотъ у меня и табакерка царская.. видишь, на ней портретъ императора... На-ка тебѣ, любезный, на горѣлочку, чтобы ты не беспокоился до завтра.

Платовъ далъ номерному серебряный рублевикъ.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше превосходительство,—принялъ, кланаясь, рублевикъ исполнительный номерной, —одначе какъ же съ кварталомъ-то?.. очень ужъ мы обязаны...

— А плюнь ты на свой кварталъ!—вспылилъ было Платовъ, но тотчасъ перемѣнилъ тонъ:—ты вотъ что, любезный, коли ужъ такъ безпокоишься насчетъ меня, то вотъ тебѣ еще два рублевика, пошли ты когонибудь сейчасъ же на спѣхъ подѣ Невскій монастырь, въ казачьи слободы, къ землякамъ моимъ донскимъ казакамъ и веди сказать, что, молъ, Платовъ-атаманъ у тебя почуетъ и чтобы пришли утромъ со мной повидаться.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство,—отвѣтилъ немного успокоенный номерной, но совѣмъ оставить въ покоѣ своего страннаго постояльца еще не могъ. Въ это время слуга внесъ водку и закуски и вмѣстѣ съ этимъ подѣ мышкой большую книгу. Приказчикъ развернулъ ее передъ Матвѣемъ Ивановичемъ, обмакнулъ гусиное перо въ чернила и протянулъ къ нему.

— Это еще что за книгу живота ты принесъ? чего еще отъ меня надобно?..

— По крайности, ваше превосходительство, извольте записать вотъ здѣсь по линеечкамъ вашъ чинъ или званіе, имя, отчество, фамилію; теперь вотъ тутъ—на службѣ состоите, или въ отставкѣ

находитесь; тутъ вотъ—сколько при васъ слугъ, тутъ—откуда пріѣхали...

— «А не брякнуть ли: пріѣхалъ изъ крѣпостнаго каземата съ фельдъегеремъ?»—мелькнуло въ головѣ Платова.

— Тутъ извольте написать: по казенному ли порученію, или по своей надобности; на постоянное ли жительство, или проѣздомъ и сколько времени намѣрены пробыть въ резиденціи его величества...

Матвѣй Ивановичъ опять «сталъ въ пень»: какъ отвѣтить на большинство вопросовъ?.. Отвѣтить все правильно, какъ было, то выйдетъ такая неправдоподобная чуха, что примутъ за сумасшедшаго или проходимца и ужъ навѣрное стащатъ въ кварталъ за пачканье официальной книги арабскими сказками...

Матвѣй Ивановичъ опять взялся за дипломатію: выпилъ рюмку водки, закусилъ, взялъ съ видомъ величайшаго утомленія перо и написалъ собственноручно о чинѣ, фамиліи и о томъ, что состоитъ въ службѣ. Дальше онъ остановился, выпилъ опять и сказалъ:

— Довольно пока, любезнѣйшій, завтра я напишу остальное, а сегодня у меня голова треснуть хочетъ. Оставь ты меня въ покоѣ съ этой книгой живота и ступай себѣ спать, да и мнѣ дай отдохнуть. Завтра узнаешь все... Да не забудь, пожалуйста, послать подъ Невскій къ казакамъ сейчасъ же когонибудь. Я тебѣ за это еще заплачу... Ступай!..

Платовъ сердитымъ орломъ посмотрѣлъ въ глаза приказчику; тотъ вздохнулъ, почувствовавъ себя неловко подъ этимъ взглядомъ, забралъ свою книгу и съ поклономъ удалился изъ номера, мысленно рѣшивъ тотчасъ же послать подозрительныя показанія необычнаго постояльца въ кварталъ для очистки себя передъ полиціей.

— «Либо важная персона, либо мазурикъ!»—рѣшилъ въ своемъ умѣ номерной.

— «Ф-фу! слава тебѣ, Господи! отвязался!»—вздохнулъ, наконецъ, Платовъ и принялся за ужинъ.

Оставшійся слуга разостлалъ постель, приготовилъ все, что надо, остановился у двери, ожидая приказаній, и подозрительно поглядывалъ на пріѣзжаго генерала, у котораго нѣтъ паспорта, который о себѣ сказать ничего не можетъ, у котораго багажу нѣтъ ни нитки, слугъ ни одного даже казачка; а между тѣмъ стоитъ на столѣ, переливаясь всѣми цвѣтами радуги, брилліантовая табакерка съ портретомъ императора...

Матвѣй Ивановичъ плотно поѣлъ, хорошо выпилъ и, приказавъ все убрать и не беспокоить его больше, помолился усердно Богу, поцѣловалъ свой натѣльный крестъ и завалился послѣ всѣхъ тревоженнѣй спать богатырскимъ сномъ...

VII.

Казачьи слободки подь Невскимъ монастыремъ уже спали, послѣ пробитія зари, глубокимъ сномъ; лишь казаки-сторожа у воротъ кутались въ волчьи тулупы и дремали въ полглаза, сидя въ будочкахъ. Щедро вознагражденный приказчикъ трактира «Демута» исполнилъ просьбу своего постояльца, больше изъ боязни передь кварталомъ и для очистки себя, и послалъ подь Невскій въ ту же ночь.

Полусонный казакъ-дежурный сначала ничего не понялъ изъ объясненій посланнаго, а потомъ, услышавъ: «атаманъ Платовъ здѣсь и ждетъ васъ», схватилъ посланнаго подь руку и счелъ нужнымъ представить по начальству. Въ офицерскомъ флигелѣ еще не спали, и свѣтились огни. Вѣсть, принесенная посланнымъ, ошеломила всѣхъ неожиданностью. Онъ говорилъ объ опальномъ Платовѣ, сидящемъ въ крѣпости, какъ ходили между офицерства слухи, и слова трактирнаго слуги показались подозрительными.

Времена Павла I были полны доносами другъ на друга; самъ императоръ, не довѣрявшій окружающимъ, видѣвшій вездѣ и во всякомъ таящуюся крамолу, былъ порывисто подозрителенъ, и такимъ характеромъ государя многіе недобрые люди пользовались для низкихъ цѣлей и, вмѣсто успокоенія, еще разжигали эту подозрительность. И все государство было охвачено паникой; всякій боялся за себя и близкихъ, а нерѣдкіе примѣры неожиданной и быстрой кары поддерживали общество въ напряженномъ состояніи страха и подозрительности.

Казакамъ показались слова трактирнаго слуги ложнымъ слухомъ, подвохомъ, хитрой уловкой, чтобы подвести ихъ подь гнѣвъ императора какимъ нибудь доносомъ о ихъ неблагонадежности.

Задержавъ пока посланца у себя, они послали расторопнаго казака верхомъ съѣздить въ трактиръ и справиться объ истинѣ словъ неожиданнаго вѣстника.

И вѣрилось, и не вѣрилось. Радостно-невѣроятный слухъ съ необыкновенною быстротою разнесся по всѣмъ помѣщеніямъ; казаки просыпались отъ крѣпкаго сна, и всѣмъ донцамъ стало уже не до сна въ ожиданіи подтвержденія слуха о воскресеніи изъ мертвыхъ любимаго «батки» Платова...

Но вотъ проворный гонецъ пріѣхалъ съ вѣстями. Онъ исполнилъ порученіе, какъ слѣдуетъ: видѣлъ самъ книгу, гдѣ росписался Матвѣй Ивановичъ, а для лучшаго удостовѣренія упросилъ слугу вынести и показать ему и мундиръ атамана.

— Все, какъ есть, точно! Матвѣй Ивановичъ Платовъ тамъ спитъ и велѣлъ намъ утромъ пріѣхать повидаться съ нимъ,— подтвердилъ казакъ.

Нельзя описать радостнаго восторга, охватившаго всѣхъ донцовъ въ слободкѣ при этой вѣсти. Всѣ встали съ постелей, обнимались, поздравляли другъ друга и начали готовиться къ утру, чтобы ѣхать на свиданіе со своимъ «баткомъ». Начальство хотѣло взять небольшой отрядецъ, но казаки всѣ поголовно стали проситься для встрѣчи «батка-Платова».

Съ большимъ трудомъ удалось уговорить нѣкоторыхъ остаться дома. Въ дѣлѣ такомъ сердечномъ, какъ свиданіе съ заживо-погребеннымъ любимцемъ всего Дона, начальство не хотѣло дѣйствовать строгими приказаніями и окриками, да въ иррегулярныхъ войскахъ, создавшихся совсѣмъ иначе, какъ армія, это и не въ такомъ ходу. Тамъ начальниками были не бѣлой кости дворяне, а тѣ же простые казаки, личными достоинствами возвысившіеся надъ другими и всегда имѣвшіе нравственное вліяніе на своихъ подчиненныхъ, вѣрившихъ имъ, какъ избранникамъ «круга», ихъ святаго учрежденія. Со временемъ, когда русскіе государи стали жаловать отличившихся казаковъ землями, и когда казачьи офицерскіе чины были сравнены въ правахъ на дворянство съ чинами регулярной арміи, появился классъ казаковъ-дворянъ и землевладѣльцевъ. До этихъ поръ вся земля и угодыя были общими, а всѣ казаки равны породой, и атаманъ по окончаніи своего срока дѣлался простымъ казакомъ...

Едва забрежжило позднее зимнее утро, какъ уже донцы изготовились ѣхать встрѣчать «батка-Платова». Скоро они мелкими отрядами, приформившись, направились по петербургскимъ улицамъ къ трактиру Демута, гдѣ пребывалъ ихъ любимецъ, появившійся послѣ трехлѣтней пропажи, словно воскресшій изъ мертвыхъ. Начальство, да и всѣ казаки чуяли, что эта демонстрація, не предписанная правительствомъ, можетъ кое-кому и не понравиться и навлечь имъ непріятности, но общее сердечное влеченіе было такъ велико и непреодолимо доводами осторожности, что всѣ ѣхали съ восторгомъ, заранѣе покоряясь всякой карѣ, какой они могутъ подвергнуться.

Матвѣй Ивановичъ еще крѣпко спалъ въ номерѣ трактира, какъ на Конюшенную улицу, гдѣ помѣщался (какъ и теперь) «Демуть», начали отрядъ за отрядомъ въѣзжать донскіе казаки къ немалому удивленію не предупрежденной ни о чемъ полиціи. Они выстроивались по указанію хорунжихъ и сотниковъ противъ дома трактира въ еле брезжущемъ полусвѣтѣ зимняго утра, и скоро ряды ихъ заняли большое пространство по улицѣ. Начальство и офицеры спѣшили у подъѣзда и вошли въ трактиръ справиться, не проснулся ли генералъ Платовъ, но онъ еще спалъ, и его не стали тревожить. Удивленный приказчикъ суетился по корридорамъ, рассказывая донцамъ о вчерашнемъ появленіи казачьяго генерала невѣдомо откуда, и его рассказы слушались съ жадностью

казаками. Всѣ слуги выбѣжали за ворота посмотреть на неожиданную церемонію; никто не зналъ причины такого скопленія казаковъ. Проходившая публика останавливалась посмотреть на необычное скопленіе конныхъ казаковъ. Группа офицерскихъ лошадей въ поводу у денщиковъ стояла у подъѣзда трактира Демута, и между лошадьми замѣчался горячій вороной скакунъ, подъ великолѣпнымъ сѣдломъ, приведенный казаками для своего любимаго атамана.

Внимательный квартальный, уже освѣдомленный о прибытіи загадочнаго постояльца въ трактиръ и охваченный, какъ и номерной приказчикъ, сомнѣніями насчетъ личности ночлежника, собирався по долгу службы произвести подробное разслѣдованіе случая.

Для этого онъ рѣшилъ прежде всего допросить самого сомнительнаго атамана и уже пораньше направился къ трактиру, мечтая, что, можетъ быть, ему, для вящаго успѣха по службѣ, удастся прихлопнуть очень интереснаго затѣйника, рядящагося въ генеральскіе мундиры и не имѣющаго документовъ.

— «Что такое за атаманъ донской, о которомъ ни въ одномъ кварталѣ никогда слыхано не было? И въ заставы не проѣзжалъ, а ночью на ночлегъ явился... Самозванецъ, должно быть, явный»...

Обо всемъ этомъ исполнительный квартальный навелъ справки и шелъ на уловленіе, гордо надвинувъ треуголку на правое ухо и бросая по сторонамъ строгіе взгляды.

Но каково же было его удивленіе, когда, подойдя къ Конюшенной улицѣ, онъ замѣтилъ сначала скопленіе народа, а, протолкавшись сквозь толпу, увидѣлъ стройные ряды донскихъ казаковъ, стоявшихъ противъ трактира Демута.

Мысль о самозванствѣ, на которомъ квартальный строилъ все свое слѣдствіе, начала казаться ему несостоятельною, но, всетаки, о такой церемоніи ему по полиціи ничего не было извѣстно.

Квартальный вошелъ въ подъѣздъ трактира Демута.

— Проснулись! — доложилъ номерной ожидавшимъ донцамъ, слышавъ въ номерѣ Платова громкіе зѣвки хорошо выспавшагося чловѣка: — я сейчасъ доложу о васъ!...

— Послушай! — обратился въ это время квартальный къ номерному: — что у васъ тутъ такое происходитъ?

— Не могу знать-съ, ваше благородіе! Кажись, донской генераль изволятъ ночевать здѣсь и велѣли вчера послать вотъ за ними-съ, — указалъ номерной на казаковъ.

— Чловѣкъ! — послышался изъ номера зычный голосъ Платова, и номерной стремглавъ бросился на зовъ.

Квартальный не зналъ, что предпринять, но, увидя среди ожидавшихъ чины выше своего, заблагоразсудилъ почтительно подождать, чтѣ будетъ дальше...

— «Наше отъ насъ не уйдетъ»,—рѣшилъ онъ и всталъ въ уголку, прижавъ шпагу лѣвой рукой къ ногъ.

— Ихъ превосходительство просятъ господь казаковъ къ себѣ,— доложилъ номерной донцамъ, и всѣ гурьбой устремились въ корридоръ; сзади всѣхъ пошелъ и квартальный, крайне заинтересованный происшествіемъ.

Дверь номера отворилась; полковникъ, бывшій съ Платовымъ въ персидскомъ походѣ и находившійся впереди всѣхъ, увидѣлъ среди комнаты его, самого «батъка Платова», но какъ измѣнились его черты... Онъ постарѣлъ, похудѣлъ, облысѣлъ, и его рѣдкіе кудри еще болѣе подернулись сѣдиною. Но это былъ онъ и даже въ томъ самомъ мундирѣ, въ которомъ онъ сломалъ персидскій походъ...

— Батъко нашъ! Матвѣй Иванычъ!—воскликнулъ полковникъ, бросаясь въ объятія любимаго атамана.

— Дѣтушки мои родные!—прошепталъ со слезами на глазахъ обрадованный Матвѣй Ивановичъ, крѣпко обнимая и цѣлуя своихъ донцевъ: — наконецъ-то Господь милостивый привелъ свидѣться съ вами! Думалъ, что ужъ и свѣту Божьяго не увижу въ проклятой дырѣ! Здоровеньки будьте, дѣтушки!..

— Здоровъ будь, батъко! Откуда ты? А мы по тебѣ ужъ панихиды служить хотѣли!.. Родной ты нашъ!..

— Не спрашивайте теперь, дѣтушки, послѣ все расскажу по ряду!.. Видѣлъ вчера пресвѣтлый ликъ императора и милость его многуу получилъ... Вотъ табакерка его...

— Батъко ты нашъ! Вина сюда!—послышались голоса.

— Проснулся! Всталъ! Вино пьютъ для встрѣчи!—переносились вѣсти въ ряды выстроенныхъ казаковъ, и ряды волновались; казаки глядѣли въ окна трактира, желая увидѣть Платова гдѣ нибудь...

Но вотъ дрогнула группа народа у подъѣзда; зашевелились денщики; обезпокоенные кони начали перебирать ногами...

— Идетъ, идетъ!—пронеслось по рядамъ казаковъ.

Посторонніе зрители стѣснились, задніе лѣзли на переднихъ, вытягивали шеи, чтобы разсмотрѣть что нибудь.

Изъ подъѣзда показалась группа донцевъ и между ними одинъ пожилой, съ сѣдыми кудрями.

— Онъ!.. батъко нашъ, Платовъ!—гудѣли казаки.

Группа офицеровъ съ атаманомъ живо вскочили на коней, и изъ всѣхъ орломъ выдѣлился впередъ онъ и, давъ нагайку коню, лихо подскакалъ къ правому флангу.

— Здоровы будьте, дѣтушки!—гаркнулъ онъ, мчась вдоль по рядамъ въ сопровожденіи своей свиты.

— Здоровъ будь, батъко нашъ!—загремѣли казаки по всѣмъ рядамъ. Всѣ впивались глазами въ лицо любимаго вождя. Моло-

дые, не видѣвшіе еще Платова, были уже наслышаны о немъ, и всѣ съ равной любовью и почтеніемъ смотрѣли на это простое, всѣмъ родное лицо своего «батъка»-атамана.

Радостные и мощные крики перекатывались изъ края въ край по рядамъ, пока объѣзжалъ ихъ Платовъ, и всѣ посторонніе зрители удивлялись этому зрѣлищу.

Квартальный, стоя въ подѣздѣ трактира, не зналъ, что и подумать, и уже составлялъ въ головѣ донесеніе по начальству, но на него никто не обращалъ вниманія.

Поздоровавшись съ казаками, Платовъ скомандовалъ имъ, и всѣ стройно завернули съ Конюшенной на Невскій, направляясь домой, подъ предводительствомъ группы офицеровъ, среди которой ѣхалъ радостный и вольной грудью дышавшій Матвѣй Ивановичъ Платовъ, снова попавшій въ родную любимую среду.

VIII.

Ровно три дня, какъ приказалъ императоръ Павелъ Петровичъ, Платовъ провелъ въ Петербургѣ въ казачьихъ слободахъ подъ Невскимъ монастыремъ, изготовляясь къ походу сначала на Донъ, а затѣмъ черезъ средне-азиатскія степи до пресловутой Индіи.

Разсказалъ онъ въ это время своимъ дѣтушкамъ-донцамъ всѣ свои злоключенія втеченіе трехъ лѣтъ и о своемъ чудесномъ и неожиданномъ избавленіи. Казаки шумно радовались возвращенію, или вѣрнѣе находкѣ, своего походнаго атамана.

На Донъ, къ войсковому атану Орлову¹⁾, полетѣли предписанія императора, посланъ квартирмейстерскій офицеръ и всѣ нужныя распоряженія.

Происшествіе со встрѣчей Платова не имѣло никакихъ худыхъ послѣдствій. Можетъ быть, оно осталось неизвѣстно императору Павлу, можетъ быть, онъ не нашелъ въ этомъ ничего худаго, а, можетъ быть, въ такую нужную для него минуту онъ не хотѣлъ ссориться съ предводителемъ легкой конницы.

Черезъ три дня Матвѣй Ивановичъ Платовъ умчался на Донъ собирать казаковъ для похода.

1801 года, 12-го января, императоръ Павелъ именнымъ указомъ повелѣлъ «собрать все донское войско на сборныя мѣста». Въ это время прибылъ на Донъ походный атаманъ Платовъ, и данъ былъ приказъ войсковаго атамана (еще Орлова), «чтобы всѣ наличные оберъ-офицеры и нижніе чины непременно въ шесть дней выступили о двухъ коняхъ и съ полутора-мѣсячнымъ провіантомъ»²⁾.

¹⁾ Уже въ слѣдующемъ 1801 году М. И. Платовъ былъ назначенъ вмѣсто Орлова войсковымъ атаномъ (и пробылъ въ этой должности до смерти въ 1818 году), но до похода на Индію или послѣ?

²⁾ Красновъ, Матеріалы для географіи и статистики земли войска Дон-

«Потребное число денег требовалось заимообразно отъ государственнаго казначея, кои должны быть возвращены генераломъ-отъ-кавалеріи Орловымъ (атаманомъ) изъ добычи той экспедиціи» (!).

Повелѣніе императора о немедленномъ выступленіи всего войска въ дальній походъ исполнялось въ точности и энергично, но хитрые донцы, не ожидая большой благостыни отъ такого смѣлаго похода, постарались свалить денежные расходы на государственное казначейство, туманно обѣщая возвращеніе ихъ изъ будущей добычи, которой могло и не быть.

Всѣхъ казаковъ собралось къ походу на сборное мѣсто двадцать семь тысячъ пятьсотъ семь человекъ; изъ нихъ составились сорокъ одинъ полкъ и двѣ роты конной артиллеріи. Часть казаковъ была отряжена еще на кавказскую границу.

Послѣ торжественной литургіи въ городѣ Черкасскѣ¹⁾, столицѣ Донскаго войска, отслужили въ походной церкви, среди площади, напутственный молебенъ, и казаки весело тронулись въ далекій и неизвѣстный путь, надѣясь на милосердіе Божіе и молитвы святыхъ угодниковъ. Огромные обозы съ провіантомъ и фуражемъ сопровождали этотъ двуконный походъ казаковъ до далекаго Оренбурга.

Пока шли въ предѣлахъ своихъ станицъ и городовъ, казаки весело распѣвали пѣсни; одушевленіе ни на минуту не покидало ихъ и дальше, въ Саратовской, Астраханской губерніяхъ и въ землѣ войска Уральскаго; стужа зимняго похода нисколько не смущала закаленныхъ въ лишенияхъ казаковъ, и пѣсни ихъ, гдѣ воспѣвался тихій Донъ и цвѣтуція виноградомъ станицы, раздавались во все время похода...

Совершалось необычайное дѣло: по слову всемогущаго императора двинулись въ необозримыя снѣжныя степи отборныя войска Русской земли въ походъ, имѣющій цѣлью достиженіе такихъ странъ, пути къ которымъ не прошло еще ни одно войско, а прежнія попытки терпѣли грустную неудачу. Примѣры подобныхъ походовъ считаются во всемірной исторіи единицами, и каждый изъ нихъ стяжалъ ихъ предводителю и войскамъ безсмертную славу.

И вождемъ такого знаменитаго похода былъ выбранъ тюремный сидѣлецъ, извлеченный изъ мрака каземата, и беззавѣтная преданность родной землѣ повела эти тысячи народа въ безвѣстный путь, гдѣ въ девяти случаяхъ изъ десяти ждала ихъ вѣрная смерть.

скаго; Филоновъ, Оренбургскій походъ, см. «Донскія Войсковыя Вѣдомости».

¹⁾ Теперь онъ называется «Старочеркасскъ» и представляетъ лишь жалкіе остатки былаго богатства жителей. Волею атамана Платова, но противъ желанія жителей, областной городъ былъ перенесенъ на другое мѣсто (нынешній «Новочеркасскъ») въ 1804—1805 годахъ. До 1837 года казаки, все еще не любя новаго мѣста, надѣялись на переносъ города, но императоръ Николай приказалъ «остаться здѣсь».

Въ Оренбургѣ наши молодцы узнали побольше о томъ, что придется имъ вытерпѣть въ средне-азиатскихъ степяхъ зимой, и вздохнули, но бодрости духа не теряли. Надо было изготавиться къ зимнему степному походу: весь обозъ переложить во вьюкахъ на верблюдовъ вмѣсто саней и телѣгъ, застаться особенно теплымъ платьемъ, топливомъ и палатками-юлламами. Цѣлая орда киргизъ-кайсаковъ присоединена была къ войскамъ для ухода за тысячами верблюдовъ, несшихъ провіантъ для людей, фуражъ для лошадей, дрова, палатки и все имущество отряда. Сами верблюды должны были питаться, когда отрядъ останавливался на отдыхъ, и для этого ихъ угоняли иногда за нѣсколько верстъ на мѣста, гдѣ верблюды могли найти подъ снѣгомъ скудную растительность. Такая кормежка называлась «тебеневкою» и была очень скудна, отчего верблюды спалили съ тѣла, заболѣвали, ослабѣвали и, наконецъ, измученные падали подъ вьюками, чтобы уже больше не встать...

Какъ огромная орда, втянулись казаки въ безграничныя, покрытыя снѣгомъ пустыни и пропали въ нихъ, словно маленькая кучка людей, подавленные необозримыми разстилавшимися кругомъ пространствами. Пошли морозы и вьюги; пѣсни попрязамолкли, потому что иногда усы примерзали къ бородѣ, а дыханіе падало прямо на грудь снѣгомъ.

На ночевкахъ и отдыхахъ палатки-«юлламейки» отаплились хворостомъ, иногда просто верблюжьимъ навозомъ, а люди спали въ нихъ, закутанные въ семь шкуръ. Къ трудностямъ похода присоединились и непріятности съ татарвой: киргизъ-кайсаки бѣгали и уводили съ собой верблюдовъ; съ пойманными казаки, на страхъ другимъ, поступали круто: при всѣхъ безъ дальнѣйшаго суда разстрѣливали.

Бодрились казаки на походѣ, но на душѣ начинали кошки скрести, и, всегда веселые и находчивые, они иногда впадали въ грустную и глубокую задумчивость.

Они шли уже недѣлю и другую, и третью, все углубляясь въ необозримыя степи, перешли рѣки Илекъ и Эмбу и очутились въ глухой азіатчинѣ, а цѣль ихъ похода была еще страшно, почти недостижимо далека...

Въ войскѣ начались болѣзни; верблюды, лошади падали; между людьми развилась цынга, простудныя болѣзни; многіе замерзали...

Въ теплый и безъвьюжный день родныя пѣсни, которыя-таки не замерли совсѣмъ и въ азіатскихъ степяхъ, а въ праздничные дни богослуженіе іеромонаха въ раскидной шелковой походной церкви, среди обширнаго круга казаковъ, развлекали нашихъ беззавѣтно-храбрыхъ молодцовъ въ ихъ лихой бѣдѣ.

По мѣрѣ углубленія въ азіатскія степи среди всевозможныхъ лишеній, «деташементъ» казаковъ таялъ, уменьшался и людьми, и лошадьми, и вьючными верблюдами, а цѣль была страшно далека...

IX.

Походъ начался въ половинѣ января 1801 года; въ это время казаки выступили «о дву-конь» изъ Черкасска до Оренбурга.

Если считать, что въ февралѣ они выступили въ настоящій степной походъ, то прошелъ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ они все углублялись и углублялись въ средне-азиатскія степи, приближаясь къ Хивѣ и Бухарѣ.

Приходило Матвѣю Ивановичу Платову въ голову, что государь, вѣря навѣтамъ его недоброжелателей, захотѣлъ наказать его еще трудной прогулкой по степямъ, но потомъ воротить же назадъ; однако это не сбывалось, вѣстникъ возвращенія не появлялся на горизонтѣ безграничныхъ снѣжныхъ степей.

Гонцы, которыхъ онъ по приказу императора посылалъ съ пути черезъ день въ Оренбургъ, а черезъ недѣлю къ самому государю въ Петербургъ, еще ни одинъ къ нему не возвращался ни съ какими дальнѣйшими инструкціями. Была у него въ рукахъ карта, копія той, что онъ видѣлъ у государя на столѣ, но эта карта ничего ему не говорила, потому что и картографія-то Средней Азій была въ то время крайне мало изслѣдована и еще хуже нанесена на планъ.

А ужасы сверхъестественнаго похода все увеличивались по мѣрѣ углубленія въ степи: начали появляться развѣдочныя партіи киргизовъ, чтобы напасть на русскій отрядъ, движеніе котораго въ степь вызывало подозрѣнія азіатовъ. Это держало казаковъ на чекѣ и увеличивало неудобства зимняго похода по необитаемой степи.

Смертность въ людяхъ и животныхъ увеличивалась; между казаками начался ропотъ, сначала глухой, когда казаки далеко отъ глазъ начальства жаловались другъ другу на злую судьбу, постигшую ихъ, а потомъ эти жалобы стали предъявляться и начальству, сначала низшему—хорунжимъ и сотникамъ.

Беззавѣтно преданный родинѣ и престолу казакъ не хотѣлъ бунтовать и сопротивляться распоряженіямъ, исходящимъ свыше, тѣмъ болѣе, когда ведетъ его такой любимый и испытанный въ походахъ начальникъ, какъ «батько» Платовъ, но, всетаки, ужасная дѣйствительность и видимая недостижимость конечной цѣли убѣждала его, что этотъ походъ будетъ для всѣхъ вѣрной гибелью безъ малѣйшей пользы для родины. Провіантъ и фуражъ, не смотря на донельзя уменьшенныя дачи, истощался, и полуторамѣсячнаго запаса его не хватало и на половину предполагаемаго пути.

Другое дѣло, если бы казаки шли мѣстами населенными: тамъ казакъ и конь его никогда не останутся голодными, но въ покрытой снѣгомъ безграничной степи вся изворотливость казака была ему бесполезна.

Ропоть поднялся выше: полковники и старшины, видя конечную гибель людей и лошадей, которыхъ уже начали бить на прокормленіе себя, стали заговаривать съ походнымъ атаманомъ весьма нерадостно о послѣдствіяхъ похода.

— И самъ я, братики, думаю объ этомъ,—отвѣчалъ имъ Платовъ:—и вотъ какъ думаю, ажъ голова чуть не треснетъ, да что-жъ подѣлаешь, коли на то есть высочайшая воля? Пойдемте, братики, впередъ, авось дойдемъ куда надо...

Но дойти, въ концѣ концовъ, до Индіи не представлялось никакой возможности; дальнѣйшее движеніе впередъ было явнымъ путемъ къ конечной гибели всего отряда до послѣдняго человѣка. Это сознавали всѣ, и атаманъ Платовъ лучше всѣхъ.

Путь слѣдованія отряда отмѣчался палыми по сторонамъ верблюдами и лошадьми; іеромонахъ чуть не каждый день отпѣвалъ умершихъ казаковъ, а товарищи вырубали мерзлую землю и со слезами хоронили ихъ на чужой сторонѣ, въ незнаемой азіатчинѣ.

Наконецъ, терпѣніе у всѣхъ лопнуло.

— Батько!—взмолилося войско,—куда ты ведешь насъ? на вѣрную смерть? Вѣдь всѣмъ тутъ кости положить, а не дойти!

— И я, дѣтушки, съ вами костями лягу здѣсь! Видно, такова судьба наша!

— Веди насъ назадъ! Хоть половина изъ насъ останется да увидить свои станицы.

— Не увидимъ, дѣтушки, мы нашихъ станицъ! Воротимся мы вопреки царскому указу, самовольно, откажемся отъ военной службы, а насъ похваляютъ всѣхъ да по тюрьмамъ да острогамъ разсажаютъ, а меня съ полковниками такъ и просто разстрѣляютъ, какъ измѣнниковъ.

— А и впередъ идти—всѣмъ изгибнуть!

— А и назадъ пойти—смерть и казнь принять!...

Х.

Наступилъ уже мартъ мѣсяць 1801 года; холода стояли жестокіе; бѣдствія похода увеличивались.

Въ войскѣ общее недовольство стало проявляться открыто; казаки отказывались идти впередъ, и многихъ усилій стоило атаману Платову сдерживать ихъ отъ самовольнаго возвращенія назадъ.

Скоро и его авторитетъ сталъ дѣлаться слабымъ: «батько-Платовъ», прежде столь любимый, началъ казаться имъ врагомъ, ведущимъ ихъ на вѣрную гибель безъ всякой пользы, и уже начали поговаривать объ измѣнѣ и, если не о возвращеніи назадъ, то о томъ, чтобы передаться совсѣмъ туркамъ, какъ сдѣлали это казаки-некрасовцы, до сихъ поръ мирно живущіе въ Турціи, убѣжавъ отъ религіозныхъ притѣсненій.

Скверно чувствовалъ себя Матвѣй Ивановичъ Платовъ, видя, въ какое безвыходное положеніе попалъ онъ и любимые его дѣтушки-донцы.

Онъ колебался между самыми мучительными мыслями, и его сѣдая и облысѣвшая въ крѣпости голова подолгу была склонена на грудь въ тяжкихъ думахъ.

Наконецъ невыносимое, напряженное состояніе войска разрѣшилось открытымъ сопротивленіемъ; къ казакамъ пристали и всѣ начальники, полковники, эсаулы и сотники.

— Не пойдемъ, батъко, впередъ! Что хочешь съ нами дѣлай, не пойдемъ! Не сласть намъ погибать безвѣстно въ азіатчинѣ! — кричало все войско.

— Какой же я вамъ батъко, коли вы меня не хотите слушаться? Считайте меня «аманатомъ»¹⁾ вашимъ, а не атаманомъ походнымъ, коли мнѣ перестали повиноваться!

Тутъ выступилъ старый сѣдой эсаулъ, побывавшій съ Платовымъ во всѣхъ походахъ, и началъ рѣчь.

— Не считаемъ мы тебя, батъко, аманатомъ, и ты вѣдаешь нашу великую «охоту»²⁾ и къ родинѣ нашей, и къ престолу, и къ тебѣ, батъко. Однако, зачѣмъ же намъ принимать напрасный «проминашъ»³⁾ и «ходатайствовать»⁴⁾ безъ толку по степи? Въ войскѣ подымается большая «публика»⁵⁾, каждый казакъ считаетъ этотъ походъ за «побѣду»⁶⁾ всему войску, потому что приходится всѣмъ «рѣшиться»⁷⁾! Ты посмотри, батъко, сколько народу рѣшилось, а изъ тѣхъ, что остались, половина «вредныхъ»⁸⁾ ходатайствуетъ. Всю «домашность»⁹⁾ и «экипажъ»¹⁰⁾ растеряли, не глядя, что казаки издавна народъ «развратный»¹¹⁾ и ни къ какой «марали»¹²⁾ не причислены. Не прими, батъко, наши слова за «коммерцію»¹³⁾, никакого «качества»¹⁴⁾ мы не имѣемъ противъ Бога, царя и тебя, и народъ мы не совсѣмъ «натуральный»¹⁵⁾,

1) «Аманатомъ» — обманщикомъ.

2) «Охота» — любовь.

3) «Проминашъ» — трудъ.

4) «Ходатайствовать» — ходить.

5) «Публика» — шумъ.

6) «Побѣда» — обманъ.

7) «Рѣшиться» — умереть. Сборникъ словъ, усвоенныхъ донскими казаками съ особымъ значеніемъ. Красновъ, «Статистическое описаніе земли войска Донскаго», стр. 417.

8) «Вредный» — поврежденный въ здоровьѣ.

9) «Домашность» — имущество.

10) «Экипажъ» — мелкія вещи.

11) «Развратный» — расторопный.

12) «Маральный» — замаранный.

13) «Коммерція» — дурное поведеніе.

14) «Качество» — мошенничество.

15) «Натуральный» — грубый.

однако между народомъ пошла большая «республика» ¹⁾, и вотъ тебѣ наша «раздѣлюція» ²⁾: не идемъ на эту проклятую Индію, а повернемъ въ сторону и передадимся турецкому султану, коли на родинѣ насъ тюрьма, острогъ да разстрѣль ожидаютъ.

— Самъ я вижу, милые мои дѣтушки, «источные» ³⁾ казаки, что попали мы съ этимъ походомъ, какъ «сазаны» ⁴⁾ да «чекомасы» ⁵⁾ въ «илымъ» ⁶⁾, однако не можете вы и меня «диктовать» ⁷⁾, какъ «аманата»: я въ равной долѣ съ вами нахожусь, потому что въ одной съ вами «цербѣ» ⁸⁾ кицьтъ мнѣ приходится... Жалко мнѣ васъ, да и себя жалко, дѣтушки. Думалъ я, думалъ, ажъ голова чуть не треснула... Дайте мнѣ еще подумать до завтра, а завтра поутру отслужимъ Богу молебствіе, и я скажу вамъ свое рѣшеніе, какое надумаю... Коли не понравится оно вамъ, тогда дѣлайте со мною, что хотите: не батько я больше вамъ и не атаманъ буду... Такъ-то, дѣтушки и братики, перестоймъ здѣсь до завтра, а завтра и «раздѣлюцію» свою сдѣлаемъ...

Сказалъ это твердымъ и яснымъ голосомъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ, поклонился войску казачьему и ушелъ въ свою юлламу-палатку.

Бурнымъ кипящимъ моремъ зашумѣло войско донское, услышавъ такія слова атамана, и, обсуждая его рѣшеніе, разошлось по юлламейкамъ.

— Долго ждали и терпѣли, осталось ждать только ночь одну, переждемъ, — рѣшили казаки: — а тамъ наша воля, сдѣлаемъ, что хотимъ...

Тревожно заснулъ казачій станъ въ эту ночь; уложенные на подстилку послѣдніе измученные верблюды жалобно стонали...

XI.

Пока такъ мучился первый «деташементъ» легкой русской конницы въ степяхъ Средней Азіи, посланный геніальной мыслью Наполеона и скорымъ распоряженіемъ императора Павла, первый консулъ Франціи ничего еще не предпринималъ для завоеванія Индіи. Наполеонъ самъ, оставивъ свою побѣдоносную армію въ Египтѣ, возвратился во Францію, а въ это время турки съ англичанами разбили французовъ, и изгнанныхъ изъ Египта англичане на своихъ карабляхъ доставили во Францію.

¹⁾ «Республика» — безпорядокъ.

²⁾ «Раздѣлюція» — рѣшеніе, резолюція. Тамъ же.

³⁾ «Источные» — искусные.

⁴⁾ «Сазанъ» — карпъ.

⁵⁾ «Чекомасъ» — окунь.

⁶⁾ «Илымъ» — неводъ.

⁷⁾ «Диктовать» — поносить, ругать.

⁸⁾ «Церба» — уха. Тамъ же.

Побѣдоносное шествіе на Индію еще не предпринималось первымъ консуломъ и будущимъ императоромъ Франціи, а между тѣмъ уже первые піонеры геніальнаго плана, посланные въ степи, изгибали, «рѣшались» отъ стужи и лишній безъ надежды дойти до цѣли и наконецъ совсѣмъ остановились, рѣшившись идти назадъ...

Морозная ярковѣдная ночь подходила къ концу; атаманъ Платовъ только забылся тяжелымъ сномъ, всю ночь проворочавшись въ мучительныхъ думяхъ на кошмѣ, какъ вдругъ караульные казаки замѣтили запоздалаго всадника, закутаннаго и промерзшаго, поспѣшавшаго къ мѣсту ихъ остановки.

— По высочайшему повелѣнію, къ атаману Платову, съ рескриптомъ! — отвѣчалъ посланецъ на оклики и опросы дозорныхъ казаковъ и былъ немедленно препровожденъ къ юлламѣ походнаго атамана.

— Въ чемъ дѣло? Что такое? Съ чѣмъ пріѣхалъ? — допытывались дозорные казаки у посланца, но тотъ, замерзшій и оковенѣвшій, могъ только отвѣчать:

— Не знаю! шестеро насъ послано въ догонку изъ Оренбурга съ пакетами за вами...

— Ваше превосходительство! — окликнулъ денщикъ Платова, влетая подъ кошму юлламы и пропуская туда же измученнаго посланца, — ваше превосходительство, проснитесь, отъ государя императора бумага пришла!

Забывшійся тревожнымъ сномъ Матвѣй Ивановичъ въ испугѣ вскочилъ съ кошмы и схватился было за пистолеты и саблю, но денщикъ выскѣкъ огнемъ изъ кремня искры, зажегъ и раздулъ сухой трутъ, а отъ него восковую свѣчку.

— Обогрѣться, ради Бога, — говорилъ полузамерзшій гонецъ, и тотчасъ же ему былъ поднесенъ стаканъ крѣпкаго вина, а подъ таганчикомъ былъ разведенъ огонекъ.

Съ лихорадочной поспѣшностью былъ вскрытъ большой пакетъ, привезенный гонцомъ, и при свѣтѣ свѣчи внимательно прочитанъ.

— Возможно ли это?.. Благодарю тебя, Господи! — воскликнулъ внѣ себя отъ радости Матвѣй Ивановичъ и упалъ со слезами на колѣни передъ маленькимъ литымъ образомъ, повѣшеннымъ въ юлламѣ.

— Павелъ Петровичъ умре и императоръ Александръ Павловичъ предписываетъ намъ возвратиться домой!.. Давно пора было приказать это!.. Вина сюда! Жарь баранину на огнѣ! — приказалъ на радостяхъ Платовъ денщику, чтобы обогрѣтъ и угостить радостнаго вѣстника...

Обширный лагерь глубоко спалъ; всѣ, плотно забившись въ юлламейки и закутавшись, спасались отъ холода.

Рано утромъ, едва забрезжилъ свѣтъ, трескъ и грохотъ бара-

бановъ по всему лагерю заставилъ всѣхъ выльзти изъ теплыхъ юламеекъ, а около атаманской палатки уже раскидывали походную церковь, куда и стекались казаки, горя нетерпѣніемъ узнать, на чемъ наконецъ порѣшилъ ихъ атаманъ.

Вѣсть о пріѣздѣ посланца изъ Оренбурга уже разнеслась по всему лагерю, но вѣрнаго никто ничего не зналъ, и всѣ съ любопытствомъ толпились большимъ кругомъ около церкви и атаманской юламы, дѣлая всевозможныя догадки.

Въ юламѣ атамана собрались уже всѣ начальники, и казаки ждали ихъ выхода.

Вотъ откинулась кошма юламы, вышелъ іеромонахъ; полковники, эсаулы и сотники послѣдовали за нимъ, а наконецъ появился и самъ «батько» Платовъ въ парчевомъ кафтанѣ съ золотыми «площами» (пуговицами) и тканымъ шелковымъ поясомъ. Поверхъ кафтана была надѣта черкеска тонкаго сукна, обшитая позументомъ, съ откидными рукавами и «закавражьями» (обплагами). Въ красные сафьянные сапоги татарскаго покрою были заправлены широкіе шаровары. На головѣ его была соболья шапка съ краснымъ бархатнымъ верхомъ, а на плечи была накинута соболья шуба, опушенная бобримъ.

Казаки загудѣли и заволновались, увидя своего атамана въ такомъ парадномъ нарядѣ.

— Поздравляю, дѣтушки, съ походомъ домой!—громко произнесъ Матвѣй Ивановичъ, и весь лагерь загудѣлъ криками «ура»; шапки полетѣли вверхъ.

Войсковой писарь, выступивъ на средину, прочелъ высочайшій указъ новаго императора, и снова громогласное «ура» далеко огласило азіатскую степь.

Торжественно началась Божественная служба; усердно, со слезами радости на глазахъ молилось казачество и было приведено къ присягѣ новому императору.

Загремѣли послѣ многолѣтія пушки и ружья; радостные казаки поздравляли другъ друга; пошелъ пиръ горой, и въ тотъ же день спѣшнымъ маршемъ повернули казаки назадъ, домой...

Снова раздались пѣсни; больные подбодрились; обратный походъ былъ быстръ и радостенъ...

Такъ кончился легендарный походъ атамана Платова на Индію. Индія осталась въ рукахъ англичанъ, зато и англичане такъ были рады кончинѣ Павла I, что въ Петербургѣ на другой день послѣ этого событія выносили за ворота своихъ домовъ цѣлыя карзины вина и угощали всѣхъ проходящихъ, поздравляя съ воцареніемъ Александра Павловича...

А. В. Арсеньевъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1894 г.

ДЕКАВРЬ.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39.
1894.

НА ИНДИЮ.

(По поводу небывалаго похода атамана Платова).

Въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1893 годъ помѣщенъ довольно интересный и увлекательно написанный очеркъ г. А. В. Арсеньева, озаглавленный «Атаманъ Платовъ—завоеватель Индіи», въ которомъ описывается, какъ говоритъ и самъ авторъ, «легендарный походъ» Платова по повелѣнію императора Павла I для «уязвленія Англіи въ Индіи», по плану геніальнаго Наполеона, который, слѣдомъ за донскими казаками, «хотѣлъ провести черезъ Россію полмилліона своей побѣдоносной арміи до Волги, на судахъ спустить ее до Астрахани, а тамъ по Каспійскому морю до самаго Астрабада». Но не берусь судить, насколько въ данномъ случаѣ высоко воспарилъ геній Наполеона, не имѣвшаго ни малѣйшаго представленія о киргизскихъ степяхъ и народахъ этой страны вообще и о тактикѣ и военныхъ дѣйствіяхъ тамъ въ особенности, чтобы выдумать такой неудобовыполнимый и безразсудочный проектъ, по которому вся побѣдоносная армія его, послѣ же двухъ-трехъ переходовъ по дикимъ и безводнымъ степямъ, среди инородческаго населенія, враждебнаго всему европейскому, погибла бы неминуемо и безвозвратно, скорѣе даже, чѣмъ подъ Москвой. Для того, чтобы завладѣть въ то время Индіей, недостаточно еще было имѣть только 1.000.000 воиновъ. Надо было знать, куда и гдѣ вести, и какъ вести ихъ... Когда въ описываемое время не только предгорія Алайскаго хребта и Гималайскія горы находились въ рукахъ другихъ владѣтелей, но и большая часть степи между Аральскимъ и Каспійскимъ морями не была

еще подчинена намъ, такъ что далеко еще до Индіи большую половину «побѣдоносной» арміи пришлось бы потерять въ борьбѣ съ отчаянными туркменами и текинцами ¹⁾, въ дикой, кровопролитной партизанской войнѣ, которую лихо ведутъ эти народы въ своихъ излюбленныхъ степяхъ, знакомыхъ имъ со дня рожденія, гдѣ извѣстны каждому изъ нихъ малѣйшая тропинка, незначительный кустикъ, овражекъ, камешекъ, колодець, бугорокъ, что очень важно для дѣйствія въ открытомъ бою на широкомъ просторѣ почти дѣвственной пустыни. И такимъ образомъ этотъ гениальный планъ Наполеона для овладѣнія Индіей—нисколько не гениаленъ. Онъ даже не выдерживаетъ критики всякаго мало-мальски знакомаго съ киргизскими степями, съ духомъ азіатскихъ народовъ, особенно въ то время, и съ веденіемъ войны (такъ называемой «малой») въ этихъ странахъ. Да о дѣйствіяхъ большихъ отрядовъ тамъ не можетъ быть и рѣчи и нѣтъ никакого смысла... Вотъ если бы теперь, послѣ цѣлаго ряда опытовъ и послѣ завладѣнія почти всѣми азіатскими государствами, лежащими по дорогѣ въ Индію, Россія вздумала идти туда, то успѣхъ былъ бы вполне обезпеченъ, даже съ арміей, въ десять разъ меньше предназначенной Наполеономъ.

Помимо вышеприведеннаго разсказа въ мартовской книжкѣ «Новаго Слова» за 1894 г., появился еще одинъ разсказъ: «Терпи казаки!» г. Чернова, въ которомъ, хотя подъ другимъ соусомъ и въ другой окраскѣ, но также сюжетомъ избранъ походъ на Индію.

Не беря на себя трудъ оцѣнивать литературныя достоинства и цѣдность историческихъ данныхъ, какъ одного, такъ и другаго разсказа, а тѣмъ болѣе нѣкоторыя совсѣмъ даже неосновательныя выходы послѣдняго автора противъ перваго, я ограничусь только однимъ необходимымъ замѣчаніемъ, для чего и избираю совершенно нейтральное изданіе «Русскую Старину», какъ не заинтересованную ни тѣмъ, ни другимъ.

Въ обоихъ этихъ разсказахъ страннымъ кажется, что нѣтъ у нихъ конца; оба они обрѣзаны и недосказаны. Положимъ, какъ у одного, такъ и у другаго автора есть точныя указанія, когда послѣдовалъ высочайшій рескриптъ Павла I на имя донскаго атамана В. П. Орлова о приготовленіи казаковъ къ походу,—но и только. Не указано, въ какое время они собрались, когда выступили съ Дона, во сколько времени дошли до г. Оренбурга, когда выступили оттуда и, наконецъ, и самое главное—ни у одного не показано время возвращенія казаковъ, а между тѣмъ это очень важно,—поэтому безошибочно

¹⁾ Судя по разсказу А. В. Арсеньева, направленіе войскъ лежало черезъ Усть-Урть.

можно было бы судить о дѣйствительности совершеннаго Платовымъ на Индію похода.

Впрочемъ, у А. В. Арсеньева въ разсказѣ (на стр. 65, вын. 1), между прочимъ, сказано: «Уже въ слѣдующемъ 1801 году М. И. Платовъ былъ назначенъ вмѣсто Орлова войсковымъ атаманомъ (и пребылъ въ этой должности до смерти въ 1818 году), но до похода на Индію или послѣ?»

Вопросъ этотъ, повидимому, поставленъ потому, что А. В. самъ не увѣренъ въ томъ, былъ ли въ дѣйствительности совершенъ этотъ походъ и вѣлъ ли Платовъ 41 полкъ и 2 роты конной артиллеріи по необозримымъ степямъ киргизскимъ, и за неимѣніемъ объ этомъ точныхъ данныхъ называетъ его «легендарнымъ», хотя, судя по смыслу этой выноски, какъ будто приурочиваетъ походъ къ 1800 году (?). Г-нъ же Черновъ настойчиво увѣряетъ, что походъ на Индію былъ и что «войско вѣлъ атаманъ Вас. Петр. Орловъ. Платовъ же, въ чинѣ генераль-маіора, командовалъ только первой колонной изъ 13 полковъ» (см. стр. 370, вын.). Но такъ ли это? былъ ли на самомъ дѣлѣ походъ подъ названіемъ «Походъ на Индію» и дѣйствительно ли уходили въ 1801 году съ Дона казаки?

Но прежде, чѣмъ подтвердить мысль эту архивными данными, не лишне, мнѣ кажется, провести параллель логическихъ доказательствъ несообразности предположеній о существованіи этого похода. Начнемъ по порядку.

Высочайшій рескриптъ на имя Орлова о сборѣ донцовъ въ походъ данъ въ Петербургѣ 12-го января 1801 года (какъ увѣряютъ оба автора), гдѣ, между прочимъ, говорилось: «Отъ насъ ходу до Индіи отъ Оренбурга мѣсяца три, да отъ васъ туда мѣсяцъ, а всего мѣсяца четыре... Соберитесь вы съ онымъ (т. е. войскомъ) и выступите въ походъ къ Оренбургу, откуда любую изъ трехъ дорогъ или всѣми пойдите и съ артиллерією прямо черезъ Бухарію и Хиву на р. Индусъ, и на завоеванія англичанскія, по ней лежащія; войска того края ихъ таковаго же рода, какъ ваше, а тамъ, имѣя артиллерію, вы имѣете полный авантажъ. Приготовьте все къ походу. Пошлите своихъ лазутчиковъ приготовить, или осмотрѣть дороги... Соберите войска къ заднимъ станциямъ и тогда, увѣдомивъ меня, ожидайте повелѣнія идти къ Оренбургу, куда пришедъ, опять ожидайте повелѣнія идти далѣе»¹⁾.

Теперь прослѣдимъ, во сколько времени человѣчески возможно выполнить распоряженіе этого указа, и могли ли казаки съ Дона уже къ

¹⁾ Изъ разсказа г. Чернова (см. «Новое Слово», мартъ 1894 г. стр. 363—364) мы выбрали только тѣ выраженія, которыя необходимы для ниже идущихъ объясненій.

концу марта быть въ киргизскихъ степяхъ, какъ увѣряютъ оба автора, и пройти даже Эмбу (Арсеньевъ, стр. 67—69).

Отъ Петербурга до Дона около 1.600 верстъ. Если мы предположимъ, что курьеръ, отправленный на Донъ съ этой бумагой, былъ посланъ въ самый день выхода рескрипта и если онъ дѣлалъ по 25 верстъ въ часъ или около 500 верс. въ сутки (чего быть не можетъ), то прибылъ туда не ранѣе, какъ черезъ четверо сутокъ, т. е. 16 или 17-го марта. Пока были сдѣланы распоряженія, да пока посланы съ этимъ извѣщеніемъ по всѣмъ станціямъ гонцы, да пока-то казаки повернулись, да собрались, да выѣхали на сборный пунктъ,—времени прошло немало. Если теперь при нынѣшнихъ путяхъ сообщенія въ случаѣ мобилизаціи казакамъ данъ срокъ для сбора три дня, то въ то время при трудности передачи извѣстій (вѣдь телеграфовъ тогда не было, кажется?) и при убійственныхъ дорогахъ для сбора срокъ надо по меньшей мѣрѣ утроить. И слѣдовательно войско донское могло собраться *минимум* въ 10 дней. На донесеніе объ этомъ и обратную оттуда посылку фельдъегера съ приказаніемъ надо также не менѣе 10 дней, такъ что казаки могли выступить съ Дона не ранѣе 5-го февраля. Если же, слѣдуя точному указанію вышеприведеннаго рескрипта, раньше выступления войска были посланы лазутчики «приготовить и осмотрѣть дороги», то врядъ ли въ 2—3 мѣсяца эти посланные могли исполнить возложенное на нихъ порученіе, когда отъ Старочеркаска до Оренбурга было около 1.800 верстъ.

Допускаемъ, что этого не было исполнено, такъ какъ въ этомъ не требовалось особенной надобности, и предположимъ, что казаки пошли прямо безъ всякаго осмотра дорогъ. Но если бы они дѣлали *шахимум* по 50 верс. въ день съ неизмѣнными дневками черезъ два перехода или хоть даже безъ нихъ, то только къ концу марта могли едва-едва добраться до Оренбурга, гдѣ въ эту пору уже начинается «тепльнъ», и поэтому не могло быть никакой рѣчи, какъ говорятъ гг. авторы, о метеляхъ, страшныхъ морозахъ и сильной смертности отъ холода и голода (?). Но гг. авторы идутъ еще далѣе и категорически утверждаютъ, что казаки прошли Оренбургъ, зашли далеко въ степь и даже за Эмбу (у г. Арсеньева). Удивительно, какіе лихіе казаки! Въ 1½ мѣсяца отмахали чуть не 4.000 верстъ, да еще по степи безлюдной, на безкормицѣ, при сильныхъ стужахъ, голодѣ и безъ дороги, точно на крыльяхъ летѣли! Словъ нѣтъ, хотя допцы и дѣйствительно лихачи, но чтобы птицей летать,—воля ваша—врядъ ли молодцы.... Къ этому не мѣшаетъ еще прибавить, что еслибы казаки дошли къ концу марта до Эмбы, то имъ не представлялось бы никакого труда, горя и лишенія идти дальше, когда тамъ въ это время открывается такая жара, какой въ Петербургѣ въ самое жаркое лѣто не бываетъ. Роскошная трава испускаетъ букетъ всевозможныхъ ароматовъ. Озера и рѣки блестятъ

чистой, зеркальной струей. Кругомъ стаи различныхъ пернатыхъ поютъ, свищутъ, стрекочатъ. Степь широкая только въ это время дышетъ и живетъ. Поэтому какіе же тутъ могутъ быть страшные холода и метели? Невольно вслѣдствіе этого является мысль замѣтить авторамъ двухъ показанныхъ выше сочиненій, что прежде чѣмъ писать «о метеляхъ и холодѣ», нужно было бы узнать климатическія условія Оренбургскаго края вообще и Киргизской степи въ особенности.

Такимъ образомъ только по этому одному трудно повѣрить, чтобы въ описываемое время былъ совершенъ походъ Платовымъ, да еще въ такой короткій срокъ,—два мѣсяца отъ дня изданія рескрипта (12 января 1801 г.) до вступленія на престолъ императора Александра I (12-го марта). Не былъ ли этотъ походъ въ другое время или хотя не были ли сдѣланы распоряженія подобныя для такого похода? Теперь приходится обратиться къ архивнымъ даннымъ.

Если бы на самомъ дѣлѣ походъ этотъ былъ, то въ архивахъ Оренбурга, черезъ который будто бы проходили донцы, во всякомъ случаѣ, хотя отрывочныя, но имѣлись бы свѣдѣнія объ этомъ. Не могло же быть, чтобы только одни донскіе казаки въ числѣ 27.507 человекъ были назначены въ походъ, когда на границѣ степей существовали ближайшія войска, болѣе опытные для веденія степной войны и болѣе привычныя къ передвиженіямъ по степямъ, какъ напримѣръ, оренбургскіе и уральскіе казаки, полки башкиръ, тептарей и мещераковъ и регулярныя войска по крѣпостямъ и городамъ. Почему же непременно отдано было преимущество непривычнымъ къ степнымъ походамъ донцамъ и тащить ихъ еще за 2 тыс. верс. на линію, на которой стояло войскъ больше, чѣмъ было назначено донцовъ. Если уже уральскіе (бывшіе яцкіе) казаки, въ числѣ 2½ тыс., и калмыки ходили на Хиву съ княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ, то въ этакомъ походѣ они обязательно должны были быть. Между тѣмъ мѣстные (оренбургскіе) архивы о ихъ назначеніи ничего не говорятъ и также спокойно умалчиваютъ вообще о индійскомъ походѣ. Зато есть неопровержимыя данныя объ экспедиціи на Хиву, да и то уже въ царствованіе императора Александра I.

Въ архивѣ упраздненной канцеляріи бывшаго оренбургскаго генералъ-губернаторства за 1804 годъ находятся объ этомъ свѣдѣнія, хотя далеко неполныя, по которымъ все-таки приблизительно можно составить такой рассказъ.

Эмиръ бухарскій издавна искренно желалъ завязать торговныя и дружественныя сношенія съ могущественной Россійской державой и не разъ еще при Екатеринѣ II присылалъ въ высочайшему двору нашему своихъ уполномоченныхъ сановниковъ въ качествѣ посланцевъ. Даже при часто случавшихся междоусобіяхъ въ степяхъ среди подвластныхъ и неподвластныхъ кочевниковъ, бухарское правительство обращалось за

помощі къ Россіи и возлагало на нее большія надежды для обузданія хищническихъ нападенийъ текинцевъ и хивинцевъ. Еще въ 1796 годъ ханскій намѣстникъ Максумъ Давіаловъ писалъ императрицѣ, прося, да огражденія бухарскаго государства отъ грабежныхъ шаекъ хивинскаго хана Ака-Мухамметъ, десять тысячъ русскаго войска и 50 пушекъ. Но посланныя на Оренбургъ два посольства не были приняты оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ барономъ Игельстромомъ, потому что не имѣли вѣрительныхъ грамотъ, и принуждены были ни съ чѣмъ уѣхать 14-го іюля 1797 года во-свояси. Только одинъ бухарскій мулла Пекиванъ-Кули-Корчій, посланный моремъ на Астрахань, успѣлъ достигнуть Петербурга и представиться императору Павлу I; но обѣщано ли было ему какое содѣйствіе для отраженія бухарскихъ владѣній отъ Ака-Мухаммета,—того изъ дѣла не видно.

Когда же Наполеонъ заключилъ съ императоромъ Павломъ I союзъ противъ англичанъ, то тутъ-то, видимо, нашъ государь вспомнилъ о просьбѣ бухарцевъ, и былъ по всей вѣроятности составленъ планъ наступательныхъ дѣйствій по направленію къ Индіи черезъ «Бухарію и Хиву», съ надеждой на помощь бухарскаго государства и всѣхъ степныхъ киргизъ, тѣмъ болѣе еще, что въ концѣ 1800 года туркменскій владѣлецъ Пиръ-Гали-ханъ просилъ императора принять его съ народомъ въ подданство Россіи ¹⁾. И вотъ поэтому-то на Донъ отъ 12-го января 1801 г. и былъ посланъ рескриптъ выступать казакамъ на «Бухарію и Хиву», хотя походъ этотъ въ то время не осуществился.

Со вступленіемъ императора Александра I-го на престолъ, о проектѣ этомъ забыли, конечно, и навѣрно никогда не вспомнили бы, какъ вдругъ, въ началѣ 1803 года, только-что принявшій ханское достоинство бухарскій владѣлецъ молодой Миръ-Гейдеръ-ханъ прислалъ къ Его Величеству своего диванъ-беги ²⁾ Ишъ-Мухамета Байкшіева съ поздравленіемъ по поводу вступленія императора на прародительскій престолъ и въ вѣрительной грамотѣ, между прочимъ, писалъ «о стѣсненномъ положеніи Бухаріи», окруженной со всѣхъ сторонъ хивинцами и текинцами. Въ отвѣтъ на эту грамоту «по большому Его Величества титулѣ» была послана бухарскому эмиру слѣдующая грамота:

«Божіею милостію мы, Александръ Первый, императоръ и самодержецъ всероссійскій, и проч. и проч. и проч.

¹⁾ См. Матеріалы по исторіи Оренбург. губ. 1889, в. II стр. XXIII. Рескриптъ Павла оренбург. военн. губернатору Бахметьеву 23 ноября 1800 г. Слнч. мою ст. «Адаевскій бунтъ», «Русская Старина», іюль, 1893 г., стр. 136.

²⁾ Первый министр или намѣстникъ ханскій. Не было еще ни разу, то бы въ качествѣ посланника къ нашему двору присылалась такая «важнѣйшая высокая» у бухарцевъ особа. Видно, ханъ хотѣлъ польстить Россіи и высказать больше уваженія императору.

«Бухарскія земли владѣтелю Миръ-Гейдеръ-хану, наше Императорскаго Величества поздравленіе.

«Листъ вашъ, отправленный къ высочайшему двору нашему съ посланникомъ вашимъ, почтеннымъ диванъ-бегіемъ, издавна вамъ усерднымъ Ишъ-Мухамедомъ Байкшіевымъ исправно намъ доставленъ, и оный посланникъ, купно съ прочими чиновниками свиты его, удостоенъ всемилостивѣйшаго предъ наше Императорское Величество представленія. Мы съ особою благодарностію принявъ изображенныя въ томъ листѣ изъявленія поздравленія вашего съ нашимъ вступленіемъ на Императорскій наслѣдственный всероссійскій престолъ и искренняго расположенія вашего болѣе и болѣе утвердить существующую между обоюдными нашими подданными прежнюю дружбу и доброе согласіе, сямъ восхотѣли изъявить и вамъ такое же наше удовольствіе въ томъ, что и ваше высокостепенство по желанію всѣхъ подвластныхъ вашихъ приняли владѣніе земель, доставшихся вамъ послѣ высокостепеннаго родителя вашего, въ доказательство чего, охотно и позволили помянутому посланнику вашему ѣхать предѣлами имперіи нашей, въ высокому союзнику нашему Его Величеству султану въ Константинополь съ порученнымъ на имя его отъ васъ листомъ для доставленія. О обстоятельстве же, представленнаго намъ тѣмъ посланникомъ вашимъ въ особомъ его приложеніи, на имя наше поданномъ, мы, повелѣвъ объявить ему наше высочайшее соизволеніе, которое и дано ему на письмѣ, повелѣли государственному канцлеру графу Воронцову и вамъ сообщить объ ономъ. Впрочемъ, мы, Великій Государь, наше Императорское Величество, по всемилостивѣйшемъ увольненіи его отъ двора нашего въ Константинополь и обратно къ вамъ, повелѣли дать сію нашу Императорскую грамоту въ знакъ особаго высочайшаго нашего къ вамъ благоволенія.—Дана въ столичномъ нашемъ городѣ Санктпетербургѣ марта 31-го дня, въ лѣто отъ Рождества Христова 1803 г. и царствования нашего третіе».

«Александръ».

Но что было написано графомъ Воронцовымъ бухарскому хану,—изъ архивныхъ источниковъ, къ сожалѣнію, узнать нельзя. Можно только догадываться, что дѣло касалось усмиренія кочевниковъ и предположенія похода на Хиву, по крайней мѣрѣ объ этомъ уже составлялся проектъ въ канцеляріи оренбургскаго военнаго губернатора князя Г. С. Волконскаго, который потомъ въ началѣ 1804 года былъ представленъ на благоусмотрѣніе государя, и въ отвѣтъ на это изъ Петербурга получилось такое, нелюбимое интереса, письмо графа Кочубея, 1-го, отъ 23-го августа 1804 года.

«Милостивый государь мой, князь Григорій Семеновичъ!

«Съ курьеромъ, сегодня отправляемымъ, получите ваше сіятельство полное разрѣшеніе на представленія ваши, касательно устроения ля-

ніи Оренбургской на лучшихъ основаніяхъ ¹⁾, и экспедиціи на Хиву; а изъ рескриптовъ, до сему случаю данныхъ, усмотрите вы, милостивый государь, какъ отличное благоволеніе, съ коимъ Его Величество принять изволилъ представленія ваши, такъ и особенную высочайшую къ вамъ довѣренность. Послѣдняя наипаче ощутительна должна быть вашему сіятельству въ томъ расширеніи, которое дается вамъ относительно времени и способовъ къ приведенію въ дѣйство вышеупомянутой экспедиціи.

«По извѣстной осмотрительности вашего сіятельства и опытности, столь долговременнымъ служеніемъ приобрѣтенной, никакого сомнѣнія, конечно, быть не можетъ, что вы не иначе экспедицію сію предпримете, какъ по весьма зрѣломъ уваженіи пользы, которой отъ нея ожидать можно, и положительной увѣренности въ успѣхъ ея. Не удобно было бы и малѣйшее что-либо отважить въ разсужденія народовъ сихъ, которые, такъ какъ по свойствамъ азіатскихъ народовъ довольно вамъ извѣстно, тотчасъ и при малѣйшей неудачѣ въ состояніи возмечтать о себѣ много и могутъ наносить намъ безпокойства. Я потому и по искренней моей къ вашему сіятельству преданности не могъ не изясниться съ вами здѣсь, особенно съ тою откровенностію, которая всегда меня въ разсужденіи васъ руководствовала, увѣренъ будучи, что, отдавая полную справедливость чувствамъ моимъ, вы въ прямомъ смыслѣ изволите принять изясненія мои. Впрочемъ, ваше сіятельство, сообразивъ со всею подробностію планъ экспедиціи и опредѣливъ время, когда предпринять ее положите, не оставите, конечно, представить его на Высочайшее усмотрѣніе, чего Его Величество и ожидаетъ. Но затѣмъ и пока все сіе будетъ устриваться, какія полезныя распоряженія можете вы, милостивый государь, начать по случаю усиленія поселенной линіи? Добро, которое сіе произведетъ, оставить по васъ всегдашнюю память. Я съ своей стороны искренно желаю, чтобъ не только вы предуслѣли образовать сіе поселенное войско ²⁾; но чтобъ и на другихъ границахъ нашихъ, гдѣ только можно, порядочная милиція водворена быть могла.

«Г-нъ Платовъ, снабдѣсь, какъ вы изъ рескрипта усмотрѣть изволите, повелѣніемъ о назначеніи трехъ полковъ, не получаетъ однакожъ ни-

¹⁾ По проекту Волковскаго была проведена новая линія крѣпостей, такъ называемая «Ново-Илецкая» линія, составленная изъ 6 форпостовъ (ниже Оренбурга по Уралу) на земляхъ Оренбургскаго и изъ 3-хъ—на земляхъ Уральскаго казачьихъ войскъ. (См. «Матеріал. по исторіи Оренбур. губ.» 1877, I, стр. 37).

²⁾ По тому же проекту и въ томъ же 1810 году было сформировано четыре поселенныхъ батальона, которые потомъ въ 1842 г., подъ именемъ бѣлоплатныхъ солдатъ, перечислены въ оренбургскіе казаки. (См. тамъ же, стр. 44).

какого извѣщенія о предметѣ наряда сего. Я о семъ нужнымъ призналъ упомянуть вашему сіятельству, считая, впрочемъ, что вы такъ распорядитесь, дабы полки сіи были собраны по мѣстному соображенію вашему такъ, чтобъ имъ не оставаться долгое время праздными въ войскѣ».

Далѣе въ письмѣ идутъ сообщенія о подполковникѣ Ермолаевѣ, адъютантѣ кн. Волконскаго, но это для настоящей статьи не интересно.

Не болѣе какъ черезъ мѣсяць (26-го сентября) князь Волконскій получилъ письмо и отъ Платова, еще разъ подтверждающее распоряженіе о «неизвѣстномъ» походѣ. Матвѣй Ивановичъ вотъ что писалъ оренбургскому военному губернатору:

Милостивый Государь,

Князь Григорій Семеновичъ!

«Имѣвъ счастье получить по нарочной естафетѣ Всевысочайшее имянное Его Императорскаго Величества отъ 20-го числа прошлаго августа мѣсяца секретное повелѣніе о приуготовленіи къ походу трехъ войска Донскаго казачьихъ полковъ и откомандированіи оныхъ по первому отъзвѣ Вашего Сіятельства подъ главное ваше начальство, приказавъ имъ выступить въ то время и придти на то сборное мѣсто, какое для сего отъ васъ, въ слѣдствіе даннаго вамъ отъ Его Императорскаго Величества повелѣнія, назначено будетъ,—я въ споспѣшествованіе онаго и дабы не упустить время, 1-го числа отрядилъ состоящіе въ готовности три полка подъ командою подполковника и походнаго атамана Карасева 1-го и войсковыхъ старшинъ Малахова 1-го и Комисарова 1-го, и приказалъ имъ слѣдовать по пути къ сторонѣ Оренбурга—войска Донскаго къ Иловлинской станицѣ, ожидая о дальнѣйшемъ слѣдованіи предписанія, о чемъ доведено отъ меня и Его Императорскому Величеству. Ваше же сіятельство о семъ увѣдомляя, покорнѣйше прошу не оставить извѣстить меня, куда приказано будетъ полкамъ симъ идти отъ упомянутой станицы.

«Имѣю честь пребывать всегда съ особливѣйшимъ къ вамъ почитаніемъ и совершенною преданностію.

№ 4456.

Въ Черкасскѣ.
Сентября 7 дня
1804 года.

Милостивый Государь,
Вашего сіятельства
Покорный слуга
Матвѣй Платовъ.

Высочайшія распоряженія, какъ увидимъ ниже, были сдѣланы не только по полкамъ Оренбургской инспекціи, но и другимъ, ближайшимъ къ ней. Видимо, готовились къ этой экспедиціи не на шутку, такъ что являлось очень сомнительнымъ, чтобы конечнымъ пунктомъ похода была Хива. Изъ всѣхъ распоряженій, подъ видомъ усмиренія

кочующихъ ордынцевъ, безпокоившихъ своими воровскими набѣгами прилинейныхъ жителей, и наказанія покровительницы ихъ—вѣроломной сосѣдки нашей—Хивы,—однако, довольно рельефно выглядывало стремленіе пробраться до Индіи не для завладѣнія ею, а съ цѣлю завязать торговныя сношенія съ нею и стать твердой ногой въ Азіи, чтобы руководить мелкими туземными государствами. Но правительство съ тѣми боевыми силами, которыя имѣлись въ распоряженіи оренбургскаго военнаго губернатора и составляли отдѣльный Оренбургскій корпусъ¹⁾, очевидно, не рѣшалось рискнуть на такой дальній походъ. По этому же случаю было приказано вывести изъ Екатеринбургa Екатеринбургскій мушкатерный полкъ, обязанность котораго состояла лишь въ наблюденія за ссыльно-каторжными, работавшими по заводамъ Уральскаго хребта, но министръ финансовъ воспротивился этому, объясняя необходимостію имѣть въ Екатеринбургѣ этотъ полкъ на случай усмиренія ссыльныхъ рабочихъ, такъ какъ другой воинской команды нѣтъ по близости, и государь императоръ, впредь до устройства Особой Горной команды, приказалъ полкъ этотъ оставить на прежнемъ мѣстѣ²⁾.

По случаю также этого предпринимаемаго похода и могущественный графъ Аракчеевъ, начальникъ всей артиллеріи, не замедлилъ сдѣлать свое распоряженіе и прислалъ кн. Волконскому, отъ 11 октября 1804 г. собственноручное письмо³⁾, въ которомъ писалъ;

Ваше сіятельство!

Милостивый Государь

Григорій Семеновичъ!

Всилу именнаго указа, предписываю я господ. майору Брамсу исполнить ваше повелѣніе; но какъ оныя роты еще артиллеріи некомплектны, то предписалъ я въ случае надобности употребить лошадей съ конскою упряжью резервной артиллеріи у полковника Тарарыкина состоящей; артиллерійскихъ же орудіевъ состоятъ въ оныхъ ротахъ полевыхъ 12, и полковыхъ 4, а достальныя 8 орудіевъ такъ же могутъ быть взяты изъ резервной артиллеріи отъ Господина Полковника Тарарыкина, уведомя обо всемъ ономъ вашего сіятельства, на-

¹⁾ Корпусъ этотъ составляли: лѣхотные полки: Рыльскій мушкатерный, Оренбургскій гарнизонный и Уфимскій мушкатерный; артиллеріи—23 орудія (полевыхъ и полковыхъ); кавалерія и конница: Оренбургскій драгунскій полкъ, Оренбургскій непремѣнный казачій, Тестярскій конный; Оренбургское казачье войско могло выставить еще 5 полковъ, Уральское—до 4 тысячъ человекъ конными; башкиры и мецѣряки—до 12 конныхъ полковъ, а всего до 30 тысячъ человекъ.

²⁾ Изъ сообщенія графа Кочубея князю Волконскому отъ 4 октября 1804 г. № 4295 (см. «Отношенія Министерскія» № 4801 въ Оренбургскомъ центральномъ архивѣ).

³⁾ Приводится здѣсь подлинникомъ, съ сохраненіемъ ореографіи.

деяся, что не оставитѣ мою артиллерію вашимъ пособіемъ, пребывавъ съ истиннымъ почитаніемъ и таковою же преданностію

вашего сіятельства

Милостиваго Государя

Покорный слуга

Графъ Аракчеевъ.

Въ письмѣ же отъ 11 октября 1804 года, С. К. Вязьмитиновъ увѣдомлялъ князя Волконскаго, что по высочайшему повелѣнію изъ Омска выступили на Оренбургъ роты 9-го артиллерійскаго полка.

Но, несмотря на то, что войска стягивались къ Оренбургу со всѣхъ сторонъ и въ Оренбургѣ усиленно готовились къ хивинскому походу, экспедиція эта не состоялась, чему была помѣхой только-что открывшаяся война съ Турціей, и тѣ казачьи части, которыя были предназначены въ степной походъ, пошли въ обратную сторону, къ турецкой границѣ. Оставшіеся же въ Оренбургскомъ краѣ пѣхотные полки по высочайшему повелѣнію, подъ наблюденіемъ шефа Рыльского мушкетерскаго полка генераль-маіора Окулова, были заняты приготовленіемъ 1.300 воловыхъ фуръ «для подвижныхъ провіантскихъ магазиновъ», которыя были сдѣланы только къ 1-му іюля слѣдующаго 1805 года и отправлены въ европейскую армію.

Такимъ образомъ «геніальный» планъ похода на Хиву и Индію, выдуманый, естатіи сказать, не «великимъ» Наполеономъ, а простымъ смертнымъ, русскимъ генераломъ-отъ-инфантеріи княземъ Волконскимъ, воякой уже испытаннымъ и вполне ознакомившимся съ климатическими условіями и духомъ народовъ Зауральскаго края,—не приведенъ былъ въ исполненіе по счастливой случайности, хотя эта случайность произошла отъ интригъ того же Наполеона, настроившаго враждебно Турцію противъ Россіи. Другаго же похода, можно поручиться вполне, не было на Индію, по крайней мѣрѣ въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ. Я перерылъ всѣ почти мѣстные архивы: оренбургскій центральный (весь), Тургайскій областной (до 1831 г.), самарскій губернский и часть уфимскаго, но нигдѣ ничего даже подходящаго о индѣйскомъ походѣ временъ Павла не находилъ. Впрочемъ, настойчиво утверждать не могу. Можетъ быть, въ архивѣ бывшей военной коллегіи (теперь военнаго министерства) найдутся и болѣе положительныя свѣдѣнія.

П. Юдинъ.

и книги по содержанию были чрезвычайно разнородны, но онъ собиралъ всякія рѣдкія книги и особенно любилъ автографы, встрѣчавшіеся въ изобиліи.

По словамъ книгопродавца, онъ приобрѣлъ эту драгоценную бібліотеку у наслѣдниковъ, помнитса мнѣ, за 40.000 талеровъ; онъ рѣшительно отказался продать мнѣ что либо на выборъ и объявилъ, что когда каталогъ будетъ конченъ составленіемъ и напечатанъ, то бібліотека будетъ распродана враздробъ съ аукціона. Не буду описывать свои тогдашнія чувства глубокаго сожалѣнія, по поводу того, что такая бібліотека ушла изъ Россіи и теряется для нея навсегда, осужденная исчезнуть по частямъ въ цѣломъ океанѣ любительскихъ и публичныхъ бібліотекъ всего міра!. Добавлю къ этому лишь то немного, что мнѣ извѣстно о дальнѣйшей судьбѣ этой замѣчательной бібліотеки: въ 1875 году по дорогѣ изъ Лондона въ Москву я заѣхалъ въ Лейпцигъ и розыскалъ этого книгопродавца, чтобы узнать о ея распродажѣ. Оказалось, что онъ отступилъ отъ первоначальнаго своего плана — продать все, не иначе какъ съ аукціона: во-первыхъ, по просьбѣ своего родного университета (Лейпцигскаго) онъ согласился продать ему по вольной цѣнѣ и по выбору проф. Лескива (Leskien) нѣкоторыя книги на русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ; затѣмъ то же исключеніе онъ сдѣлалъ и для Британскаго музея, выборъ котораго отличался чрезвычайной пестротой (я, напримѣръ, встрѣтилъ тамъ вполнѣдствіи изъ бібліотеки Соболевскаго нѣкоторыхъ нашихъ классиковъ съ автографами и въ то же время кулинарную книгу прошлаго вѣка и пр.). Затѣмъ послѣ этой двойной очистки, какъ выразился книгопродавецъ, все остальное распродано уже съ аукціона враздробъ и разошлось неизвѣстно куда. Sic transit gloria mundi!

Иванъ Янжуль.

II.

По поводу похода въ Индію въ 1801 году.

Въ декабрьской книжкѣ «Русской Старины» 1894 г. помѣщена статья г. Юдина: «На Индію: по позоду небывалаго похода атамана Платова».

Разбирая разсказъ А. В. Арсеньева «Атаманъ Платовъ — завоеватель Индіи», напечатанный въ «Историческомъ Вѣстникѣ», г. Юдинъ, ссылаясь на то, что онъ не нашелъ въ архивахъ: оренбургскомъ, самарскомъ и уфимскомъ никакихъ свѣдѣній о походѣ на Индію въ 1801 году, очень смѣло утверждаетъ, что такого похода не было вовсе. Г. Юдинъ напрасно потратилъ время на безплодные розыски подобныхъ свѣдѣній въ тѣхъ архивахъ, въ которыхъ ихъ и не могло быть. Ему проще было бы обратиться туда откуда были назначены полки для совершенія похода, т. е. на Донъ, и здѣсь въ архивѣ войска донскаго, онъ нашелъ бы, между прочимъ, слѣдующіе документы:

1) Высочайшій рескриптъ императора Павла о сборѣ казаковъ къ походу, полученный атаманомъ Орловымъ 12 января.

2) Донесеніе Орлова государю о томъ, что имъ приказано казакамъ собраться («о двуконь») 24 января.

3) Сборныя мѣста были назначены въ верховыхъ станицахъ: Бузулуцкихъ (т. е. по рѣкѣ Бузулуку), Медвѣдичскихъ (по рѣкѣ Медвѣдицѣ), Качашинской (по Дону) и Усть-Медвѣдичской (по р. Дону).

4) 10 февраля атаманъ Орловъ выѣхалъ изъ Черкаска въ станицу Качашинскую.

5) 1 марта Орловъ донесъ, что 27 и 28 февраля 40 полковъ и двѣ роты конной артиллеріи двинулись со сборныхъ пунктовъ къ Оренбургу четырьмя отрядами (генераловъ: Платова, Бузина, Денисова и Бокова).

6) Орловъ находился при первомъ отрядѣ (10 полковъ и артиллерія), который велъ Платовъ.

7) 18 марта атаманъ донесъ государю, что полки перваго отряда уже двигаются вверхъ по рѣкѣ Большому Ирگیзу (лѣвою стороною Волги).

8) 23 марта, когда Орловъ находился въ с. Мечетномъ, Вольскаго уѣзда, Саратовской губерніи, имъ былъ полученъ манифестъ о восшествіи на престолъ императора Александра I и повелѣніе: донскимъ полкамъ не продолжать далѣе похода и возвратиться на Донъ.

Мнѣ, занимающемуся исторіей донской артиллеріи, которая участвовала въ томъ походѣ, все вышеизложенное извѣстно изъ архива области войска Донскаго и газетъ, издававшихся въ прежнее время на Дону.

Что походъ въ Индію былъ задуманъ по мысли Наполеона, объ этомъ г. Юдинъ можетъ справиться въ извѣстномъ сочиненіи Д. А. Милютина «Исторія войны 1799 года».

Почему отдано было преимущество донскимъ казакамъ совершить набѣгъ на Индію, а не другимъ какимъ либо казакамъ, это можно объяснить тѣмъ, что донское войско выставило столько полковъ (40), сколько не могло выставить ни одно другое, ни даже всѣ, взятые вмѣстѣ, да еще съ двумя ротами артиллеріи, которой въ другихъ казачьихъ полкахъ въ то время не было. Можно объяснить еще и большими симпатіями императора Павла къ Орлову, а также тѣмъ, что весь расходъ на эту экспедицію долженъ былъ быть отнесенъ не на средства правительства, а «на добычу войска въ Индіи».

М. Ж.

